

ЕВГЕНИЯ СЕРГИЕНКО

ЛУНА

УКРОЙСЯ ВОЛНАМИ
НАЧНИ СНАЧАЛА

ТЫ ТО, ЧТО ТЫ ПОМНИШЬ

16+

Евгения Сергеевна Сергиенко
Луна. Укройся
волнами, начни сначала

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68341844
SelfPub; 2022*

Аннотация

Она не просто шагнула со скалы. Она получила шанс на новую жизнь. Другую жизнь! Без отчаяния, боли, сожаления, а главное – без воспоминаний. Теперь у неё есть выбор: начать сначала, открывая другую себя, или попытаться изменить прошлое и вернуть память, которая толкнула на самый край. А каким был бы твой выбор – память или новый шанс?

Евгения Сергиенко

Луна. Укройся волнами, начни сначала

Пролог. Солнце

Все любят закаты.

Любят жадно впиваться в них глазами, любят с наслаждением смотреть вдаль на багровое солнце и залитый красками небосклон, любят вздыхать: «Как же красиво».

Никто не задумывается, что на закате солнце, должно быть, умирает и, цепляясь лучами за небо, скатывается за горизонт. Оно расцарапывает небесную гладь, ранит свое тело, не желая падать в пропасть неизвестности, оставляет на голубом полотне красные, желтые, оранжевые узоры своей крови.

Оно так хочет удержаться. Но не может.

Солнце гибнет, не зная, что оно несет свет с собой и в себе, а значит, будет жить и дальше, но уже совсем иначе – за линией, очерченной горизонтом, в новом дне.

Но ведь каждый закат особенный, как отпечаток человеческих пальцев, а значит, солнце возвращается на рассвете не вчерашним огненным шаром, а новой, иной жизнью.

Умирает ли оно, перерождаясь в ночи, или ходит кругами, каждый раз теряя в забвении предыдущий день?

И как узнать, что лучше – помнить все или иметь возможность начать сначала?

Глава 1. Вечерний улов

Меня зовут...

Я не помню, как меня зовут.

Я вообще ничего не помню. Только чувствую раскатившуюся по всему телу глухую боль. Чувствую тяжесть собственных век. Чувствую, как трудно просачивается воздух в легкие, как медленно сердце отбивает тугие удары.

Чувствую вкус соли.

Слышу звуки.

Кто-то ритмично и сильно давит мне на грудь, затем кричит, как будто издалека, затем встряхивает меня снова и снова.

Но мои веки бесконечно тяжелы и, кажется, никогда не поднимутся. Да и зачем? Я все равно ничего не помню, но в этом беспомоществе ощущаю себя освобожденно и счастливо. Мне одновременно больно и легко, безмятежно и совсем чуть-чуть страшно.

Выходит, память не так уж сильно и нужна человеку?

Толчок в грудь.

Еще толчок.

Еще.

Воздух заканчивается, и внутри резко становится совсем темно, я готовлюсь провалиться во мрак, но от очередного сильного толчка вздрагиваю, изгибаюсь и чувствую, как соленая морская вода поднимается вверх и выплескивается из тела.

Открываю глаза.

Крик в ту же секунду делается близким, злой голос залетает в сознание:

– Очнись, дура! Очнись, я сказал! Ты кто такая?!

Я ничего не могу сказать. Не понимаю, где нахожусь. Кашляю. В ноздрях – запах моря.

– Гребаные суицидники! Что вас всех тянет на эту скалу? Кашляй, кашляй, сказал, сильнее! И дыши, дура, давай, глубоко, вдох-выдох...

Глава 2. Дапарули

Школьный двор залит солнцем.

Лучи скачут по макушкам детей и дарят каждому игривую рыжину.

Первоклашки, как стайки воробьев, щебечут, перекрикивая друг друга, жмутся к учителям.

Ребята среднего возраста гоняют мяч, девчонки прыгают по нарисованным квадратам классиков, делят скакалки и жа-

луются на то, что на каникулах не успели прочитать все заданные книги.

А старшекласники... о-о-о, это отдельное царство. Уже совсем взрослые на вид и еще неоперившиеся внутри, они не смеются и не бегают по школьному двору, они ходят нарочито медленно, говорят негромко и напускают на себя такую важность, что становится немного грустно: сколько лишнего и не своего они пытаются протащить в этот счастливый солнечный день.

Школьный двор усыпан детьми, ведь на большой перемене никто не хочет торчать в школе.

Почти никто.

Присмотревшись, мы можем заметить в окне тонкий силуэт девочки-подростка. Юной девушки. Она наблюдает за жизнью школы из окна класса на втором этаже и даже не думает спускаться.

Ее зовут Лунаи, но все называют девочку просто – Луна. Лу-на, ударение на «у». Странно, не правда ли?

Произнесите вслух, поставьте акцент в непривычное место, позвольте ему удобно разместиться на вашем языке, чтобы дальше и мы могли называть девочку именно так, как привыкли в этой школе.

Жаль, но красивое восточное имя обретает простую, неизысканную форму в русской речи, и даже учителя в классном журнале пишут не полное, а сокращенное – Луна.

И фамилию, кстати, тоже сокращают, но это уже не от собственной лени, а потому что длинная грузинская фамилия просто не умещается в строчку, предназначенную классным журналом для идентификации ребенка.

Эти детали доставляют неудобство – учителя раздражаются, сокращают каждый раз по-разному, путаются в плохо поддающемся произношению обилии букв, а иногда попросту вписывают девочку не по алфавиту, а в самый конец журнального списка. Чтобы не мешалась.

И пока Луна с грустью смотрит на школьный двор из окна кабинета, обстоятельства ярко рисуют нам картину ее пребывания в школьных стенах.

Она отличается от остальных.

Она неудобная.

И она во всем самая последняя.

Глава 3. Вечерний улов

Отплевываюсь от воды, трогаю рукой разбитую голову и, прикоснувшись к ране, вскрикиваю от нестерпимой боли.

Я в лодке – старой, деревянной и вонючей.

Глаза тут же обжигают слезы.

Хватаюсь за край лодки, перегибаюсь через него и опускаю ладони в волны.

Зачерпываю соленую воду.

Умываю лицо.

Руки плохо слушаются.

Меня всю трясет, то ли от холода, то ли от боли и нака-
тившего страха.

Кто я?

Кто?

Умываюсь снова и снова, изучая мокрыми пальцами свое
лицо. Я знаю его на ощупь и не знаю одновременно.

Мне чудится бредовость момента, какая бывает, когда ви-
дишь кошмар и не можешь проснуться. Кажется, что вся я –
как отдаленный, почти забытый эпизод жизни, но стоит по-
стараться, очень захотеть, настроиться – и сон уйдет, оставив
меня в тишине ночи.

И я стараюсь.

Все яростней плещу в лицо водой, все мутнее вижу тем-
ные волны из-за пленки соленой влаги на глазах.

Я так хочу проснуться, но не могу.

Потому что я не сплю.

– Прекрати дурить. – Тяжелая мужская рука на секунду
отпускает весло и, сильно дернув меня за плечо, сталкивает
на дно лодки. – У тебя все волосы в крови, сиди и не дер-
гайся, а то закончишься прямо здесь. Доплывем – пойдешь
к врачу.

Деревянное сырое дно старой лодки покрыто багровыми пятнами. Видимо, это от меня.

Мужчина гребет быстро, а бросив на меня злой, почти безгневный взгляд, начинает грести еще усерднее.

– Кто я? – Пытаясь унять дрожь, прижимаюсь к деревянному, полному щелей выступу для сидения.

Голос звучит глухо и отдается болью в голове.

– Откуда мне знать, кто ты, – он отвечает сухо, даже не смотрит на меня и гребет все быстрее.

– Вы спасли меня? Я тонула?

Мужчина яростно вдавливая весла в воду, затем проворачивает деревянные рукоятки, позволяет лопастям взлететь и снова вдавливая.

Он молчит и смотрит вперед так, словно хочет не помочь, а поскорее выкинуть меня на берег.

Я всматриваюсь в его лицо, пытаюсь вспомнить, видела ли его раньше, и осознать хоть что-то. Карие глаза, темные волосы, густые брови с глубокими прорезями морщин между ними. За его спиной – горизонт, падающее за линию закатное солнце и отвесная скала, грозно и печально склонившаяся над морем.

Скала. Первое, что кажется отдаленно знакомым.

– Я что, прыгнула оттуда? – Ужас пронзает тело.

Скала огромна, и ее отвесный край кажется беспощадным к каждому, кто захочет ступить на него. Даже глядя издали,

понятно, что никто в здравом уме не станет взбираться туда! Только если...

Каждая мысль откликается болью, но я должна спросить. Должна узнать, как я здесь оказалась!

– Почему я прыгнула?! – говорю громче, желая завладеть вниманием мужчины.

Он сжимает губы и, не отвечая на мой вопрос, поднимает весла над водой, отдав лодку течению.

– Я хотела убить себя? Это так? Скажите мне!

Ничего не отвечая, мужчина кивает за мою спину.

Оглядываюсь и вижу огромные зеленые деревья, горный склон, маленький убогий домик и каменистый берег, который уже совсем близко.

Глава 4. Луна, прошлое

– Говорю же, она даже в туалет не ходит, просто сидит здесь всю перемену, как ненормальная, – Зарина входит в класс первая и, взглянув на меня, бросает фразу следующей за ней Весте. Веста, весело захихикав, толкает подругу локтем.

Зарина говорит обо мне так, словно меня нет.

Одноклассницы переступают порог как предводительницы стаи под названием «десятый «А». Зарина поправляет и без того безупречно сидящую блузку, Веста вынимает из ушей модные наушники розового цвета.

За ними в разошедшиеся двери класса вваливаются остальные ребята, и только что тихий кабинет начинает вибрировать от шума голосов, смеха, скрипа половиц, топота туфель и ботинок.

Отхожу от окна и сажусь за последнюю парту, где аккуратно разложены мои вещи. Пока все еще размещаются на своих местах, я уже отодвигаю тетрадь со сделанной домашней работой на край стола. Складываю руку на руку, расправляю плечи, выпрямляю спину и внутренне готовлюсь к тому, что сейчас начнется буря.

В новом учебном году это всего-то второй день, а вчера ребята не успели оторваться на мне язвительными расспросами – уроки постоянно нарушала суета, нас долго и утомительно поздравлял директор, читал нотации и сыпал поучениями завуч. Приходил наш первый учитель, в миллионный раз напоминал о страшной легенде про голодного духа гор и просил обходить стороной скалу Печали, с которой за лето сорвались – а может, и прыгнули – три девушки.

Первый день был лишь тягостным вступлением в наступивший трудный год учебы.

Но сегодня – другое дело.

Сегодня одноклассники уже расслабились и как рыбы в воду нырнули в привычную среду.

– Эй, Луна, ты похорошела за каникулы, давай встречать-

ся, – Игорь оборачивается за второй партой и швыряет мне колкость.

Класс взрывается смехом.

Отвернувшись к окну, стараюсь не смотреть на ребят, но чувствую, как липко их взгляды обвивают меня в ожидании ответа. Я не могу наверняка знать, о чем они думают, но едкое злорадство просто висит в воздухе.

Что станет причиной насмешек сегодня? Моя устаревшая одежда? Моя прическа? Мои уши, которые кажутся громоздкими на фоне небольшого лица? Моя неловкость и долговязость? Мой тихий голос? Мои консервативные родители или наш особняк с садом на пять гектаров? Я хотела бы знать, куда придется удар, тогда я могла бы подготовиться, ответить или хотя бы усмирить обиду.

Казалось бы, пора привыкнуть, но нет – обида в десятом классе так же остра, как в первом.

И я молчу. За лето я научилась молчать еще лучше, чем всегда.

Я не стану ничего говорить, потому что мои сверстники безжалостные, как голодные собаки. Стоит костью бросить хоть одно слово, они проглотят его не жуя, а затем, почуяв добычу, набросятся и разорвут.

– Соглашайся, глупая, – говорит Зарина притворно-масленным голосом. – Пока у Игоря сознание помутилось, второго такого шанса не будет.

Снова волна смеха.

– Даже юбку надела на сантиметр короче, чем весной, специально, чтобы пацанов кадрить? – староста нашего класса Ульяна тоже смотрит на меня, сидя в пол-оборота за первой партой и поправляя очки. Она всегда источает злобу, потому что стоит мне протиснуться между колючей проволокой школьных нападков и бетонной плитой убеждений моих родителей, как весь шквал яростной ненависти обрушится вместо меня на нее.

Почему подросткам обязательно нужно кого-то ненавидеть? Как будто все, что происходит сейчас – почва взрослой жизни, и каждый день эту почву нужно удобрять навозом. Чем отвратительнее будет навоз, тем вероятнее, что вырастет что-то стоящее.

Алла Захаровна входит в кабинет, и всеобщее внимание наконец отрывается от меня и моего молчания.

В секунду затихнув, класс поднимается на ноги около своих парт. И я тоже.

Широко улыбнувшись алыми губами, наша классная встает посередине кабинета у доски и, поправив воротничок пиджака, приветственно кивает нам всем.

Она довольно осматривает мальчишек, наряженных в новые, отглаженные матерями белоснежные рубашки, изучает наряды девчонок, взглядом пройдясь по складкам темных юбок, веселым брошам и бантам, прикрепленным на блузки.

Ее глаза светятся удовольствием, а потом, преодолев все ряды, ее взгляд добирается до меня.

Улыбка классной вмиг перестает быть настоящей и, кажется, ей уже стоит усилий поддержание уголков красных губ вздернутыми. Она быстро исследует мою прическу, которая никогда не меняется – черные непослушные волосы по-прежнему торчат из неловкого пучка, – белую, ничем не украшенную блузу, собирающуюся складками на чересчур тонкой талии, черную юбку почти до щиколоток – намного длиннее, чем у всех остальных девочек.

– Здравствуйте дети, можете садиться, – со вздохом говорит Алла Захаровна и берет со стола журнал для переключки.

– А мы и не дети уже, – еле слышно шепчет кто-то из девочек с соседнего ряда.

– Ого, кому-то есть что рассказать? – Веста оглядывается, всматриваясь в ряд.

– Тихо! Вы на уроке, а не на вечеринке, – резко стукнув по учительскому столу ручкой, Алла Захаровна открывает журнал и, взглянув на класс уже строже, начинает движение от самой первой фамилии списка к самой... Моей.

Глава 5. Луна, прошлое

Открывая входную дверь, стараюсь не издать ни звука.

Не дыша, поворачиваю ручку вниз: отлично, открыто, не

придется звонить. Как мышка наступаю на коврик у порога – он скрадывает звуки, которые издают мои школьные туфли, соприкоснувшись с любой поверхностью. Аккуратно кладу сумку за ведерко с зонтами, затем, разувшись, на цыпочках пробегаю к лестнице на второй этаж и бесшумно поднимаюсь наверх, к своей комнате.

Уф, пронесло...

Прикрыв дверь, ведущую к лестнице, громко вздыхаю. На нашем с братом этаже хорошая звукоизоляция: здесь можно шуметь, бегать и стоять на голове – внизу ничего не будет слышно.

Если родители сейчас не заметят меня, то не станут интересоваться учебой и спрашивать, почему я оказалась дома спустя ровно пять минут от окончания последнего урока. Отец не будет кричать, мама не будет его успокаивать, Эрик не будет волноваться и плакать.

Раньше они радовались, что я прихожу домой вовремя, нигде не задерживаюсь и веду себя примерно, но сейчас, когда мне шестнадцать, это вызывает опасения, и родители, особенно отец, настаивают, чтобы я немедленно завела друзей.

Не так давно они были довольны моим хобби. Одобряли эксперименты по созданию нарядов – платьев и сарафанов, которые я перешивала из старых вещей. Мама даже трижды заказывала выкройку и покупала на рынке красивую ткань.

У меня получалось неплохо, и я даже устраивала показ мод для Эрика, но выйти в новой одежде дальше нашего сада смелости так и не хватило. Потому отец решил, что это глупое увлечение, не стоящее ни внимания, ни денег. И запретил маме поощрять его.

С тех пор родители помешались на моем одиночестве и моей учебе.

Просто они не знают, какие интересы у людей, которые могли бы стать моими друзьями.

Например, сегодня на перемене Даяна рассказывала, как вожатый из лагеря лишил ее девственности. Эта история обрела форму в школьном туалете для девочек, и несколько пар жадных ушей нетерпеливо ловили каждое слово.

Я зашла пописать, но Даяна не остановила рассказ; наоборот, начала говорить чуть громче и глянула на меня с таким высокомерием, словно обладает чем-то, что мне никогда не удастся заполучить.

Вспоминая противный взгляд Даяны, я захожу в свою комнату и вдруг, не успев ничего понять, врезаюсь лицом в нитки и вздрагиваю.

Нитки? Откуда они здесь?

Хочу отмахнуться и понять, что происходит, но тут же наступаю на что-то скользкое, теряю равновесие и падаю, сумев совсем чуть-чуть придержаться за дверь.

– Лу-на-и! – пространство разрывает торжествующий

крик брата. Я пытаюсь найти его взглядом. – Я паук! А ты моя муха! Ты попала в сеть! – звонкий счастливый голос раздается откуда-то сверху, но я не вижу Эрика. Кругом только разноцветные полосы густо натянутых нитей. Они сплетаются, расплетаются, зацепляются за ручки и ножки комодов, вензеля кровати, ручки на окнах, люстру, ножки стола... Сколько же он их смотал!

– Эрик, ты где? Кто разрешил тебе эту шалость? – Отталкиваю ногой его игрушечную машинку, на которой поскользнулась, и ползком пытаюсь выбраться из-под паутины – вокруг полно ниток! Не могу представить, сколько времени понадобилось брату, чтобы сделать такую сеть.

– Что ты устроил в моей комнате?

– Мама ушла на рынок к кораблю, а я хотел играть. Сплел ловушку, подкараулил тебя и схвати-и-ил! – последнее слово он выкрикивает.

Я подползаю к кровати, но понимаю, что не смогу на нее забраться – сеть сильно мешает двигаться.

Переворачиваюсь на спину и, увидев Эрика, начинаю хотать.

Брат залез на самый верх шкафа и сидит там на корточках, упираясь головой в потолок. Но это неудивительно, он настоящий скалолаз. Деревья, стены, шкафы и крыши – его стихия.

– Эрик, – смеюсь все сильнее, – зачем ты туда залез?! Кто будет убирать все это? Почему паутина в моей комнате? У

тебя есть своя территория!

– Отец сказал, на моей территории навести порядок и быть смирным! А про твою не сказал ни слова. И я нашел лазейку в семейном законе, как нас учит мама!

– Отец сказал? – Моя веселость исчезает вмиг. – Когда? Ты же сказал, что мама ушла.

– Да, час назад примерно, мама и папа. Они вместе ушли на причал, – отвечает Эрик и затихает.

Я вижу, как смысл сказанных слов добирается до его девятилетнего ума.

– Эрик, лазейки в семейных законах можно искать, только когда отец в отъезде. Нужно быстро все убрать.

Глаза брата становятся круглыми и почти черными. Так бывает всегда, когда он готов разрыдаться.

Тут же хватаю руками линии ниток над собой и принимаюсь разрывать их – получается с трудом, на коже ладоней остаются глубокие алые вмятины.

– Помогай! – говорю я, бросив взгляд на застывшего в шоке Эрика. – Быстро, пока отец не вернулся и не решил подняться на наш этаж!

Шмыгнув носом, брат с ловкостью когтистого котенка слетает со шкафа, придерживаясь за выступающие полки, вытаскивает откуда-то ножницы и начинает быстро-быстро щелкать ими.

– Я просто не подумал, – говорит он чуть не плача, – было

скучно, я хотел играть. Ты думаешь, он очень рассердится?

– Почему ты не в школе? – спрашиваю, не отвечая на его вопрос. Если мы сделаем все быстро, никто не узнает о шалости брата.

– Утром снова была температура, и мама не пустила меня. Отец не любит, когда я пропускаю, и когда шалю, не любит. И он сильно злился. А я не хочу, чтобы он снова злился. – На секунду остановив шелканье, Эрик чуть слышно всхлипывает и поднимает на меня покрасневшие глаза. – Пожалуйста, Лунаи, скажи, что он не будет зол! Ведь не будет, правда?

Глава 6. Луна, прошлое

Каждый раз, когда отец поднимает на меня руку, я чувствую не ужас боли, а смирение и острую, как кончик ножа, обиду.

Казалось бы, от его тяжелых рук исходит только боль, но я так привыкла к ней, что почти не замечаю, а вот обида – она протыкает мою душу. После нее остаются дыры, зияющие, черные, огромные.

Дело в том, что отец не просто бьет – с каждым ударом он произносит гадость обо мне, о моем характере, о том, как я веду себя, о моей внешности. Он всегда говорит, как я дурна и внутри и снаружи, что я ни на что не гожусь и вырасту тупой, что мой будущий муж будет мучиться, как мучается отец с мамой.

Сегодня я виновата в том, что не уследила за братом, что, уходя в школу, не заперла комнату и что хранила нитки в свободном для брата доступе. От этого обидно настолько, что меня словно парализует. Я ничего не могу сказать и даже заплакать не могу.

Каждое слово отца опустошает меня, и потом, после наказания, я просто ложусь на постель и лежу. Во мне нет ничего – ни слез, ни страха, ни раскаяния.

И бьет он тоже обидно – замахивается, чтобы ударить по ягодицам, но его рука словно срывается и попадает по спине, по лопаткам, по шее. Когда я пытаюсь вывернуться, удары приходятся на живот, когда поджимаю ноги – прилетает по коленям.

Так бывает всегда.

Всегда он словно хочет выдать мне невинный шлепок по попе, какими родители часто награждают детей, но потом я трогаю синяки на теле и сбиваюсь со счета.

Маме он говорит, что я сама виновата, потому что выворачиваюсь вместо того, чтобы просто принять наказание. Не так, как Эрик. Брат подвергается побоям реже меня и синяков у него никогда не остается.

Поэтому я не знаю – дело и правда во мне или отец просто бьет меня и Эрика по-разному.

Глава 7. Дапарули

Если бы мы могли почувствовать настроение нового дня маленькой школы, то ощутили бы, как он вибрирует волнениями, предвкушениями и учебными заботами.

Первая пятница первой четверти, и сразу контрольные срезы. Ну разве можно так издеваться над детьми?

Но эти срезы, конечно, не такие уж серьезные и нужны лишь для того, чтобы проверить знания детей после долгих каникул. За лето, как известно, из юных голов может вылететь все, что угодно.

И влететь тоже.

Пока Луна и нервно поправляет юбку и прикрывает синяки на ногах длинным подолом, остальные девчонки класса посматривают на нее с усмешкой и перешептываются.

Звонок на урок уже прозвенел, но учителя математики Вагаршака Арсеновича еще нет в классе.

– Луна, эй, ты что, боишься, что кого-то возбудят твои колени? – веселый голос Зарины раздается с третьего ряда. – Какая ты стала самоуверенная!

Секунду назад Луна и успокаивала свои мысли и настраивалась на срез. Ведь написать его на достойную оценку – труд для нее. Девушка испытывает сложности в боях с царицей наук, математикой. Но голос одноклассницы вырывает Луну из трепетного спокойствия и выстреливает в десятку – щеки молниеносно вспыхивают алой краской.

В последний раз одернув юбку, Луна выпрямляется на стуле и, всего на миг встретившись с острым взглядом Зарины, опускает глаза на маленькие клетки открытой тетради.

– Твои щиколотки тоже великолепны! – в следующую секунду подключается Даяна. – Может, и их прикроешь, чтобы никого не довести до греха?

Все смеются.

Клетки в тетради начинают скакать перед глазами.

Но Луна молчит, как всегда, распахивая перед всеми свое бессилие. Она бросает опасливый взгляд на одноклассников: парни смотрят на нее с неприятной ухмылкой, девчонки хихикают и болтают, Зарина, не сводя с Лунай глаз, наклоняется к Весте, аккуратно вынимает из уха подруги вечный наушник и что-то шепчет – наверное, повторяет искрометную шутку, которую Веста могла пропустить, слушая музыку.

Вы думаете, Лунай не хотела бы ответить на дерзость? Не хотела бы поставить выскочек на место и защититься от нападков на ее внешность, ее обычаи, ее вечные длинные юбки?

Хотела бы, но мягкости и простоты в девушке больше, чем уверенности в своих силах, поэтому она снова молчит, проглотив зарождающиеся слезы и прижав холодные пальцы к горящим щекам.

Глава 8. Луна, прошлое

Пока Вагаршак Арсенович пишет на доске задания, я, не отрываясь, смотрю на движения его пальцев, сжимающих мел, и пытаюсь не думать о юбке, о коленях и о щиколотках, на которые без моего согласия вдруг посмотрел весь класс.

Делаю глубокий вдох, чтобы не разрыдаться.

Неужели они больше ни о чем не могут думать! Ни о чем не могут говорить!

«Озабоченные свиньи!» – в мыслях проносится голос отца. Он всегда говорит так, когда видит, как парочки целуются на улице, или когда в фильме встречается пошлая шутка.

Голос учителя уже расплывается по классу, но я не могу понять, что он говорит.

Взмахом руки Вагаршак Арсенович делит класс на ряды. Я понимаю лишь то, что мой ряд – это первый вариант, и начинаю переписывать задачи на двойной листок.

Мои ноги дрожат, щеки пылают.

Но я глубоко, до скрипа в груди, вдыхаю нагретый воздух и нагоняю ускользнувшее спокойствие.

Я готовилась, я учила, я справлюсь.

Мысленно отгораживаюсь от класса и один за другим просматриваю записанные примеры. Я понимаю, каким должен быть ход рассуждений, я знаю принцип, все лето я решала именно такие, а некоторые из них даже абсолютно совпадают.

С уверенностью я вычисляю первый пример, второй, тре-

тий – всего их двадцать, а решение дается мне так легко, что даже приятно и немного смешно от того, как сильно я волновалась из-за этого среза.

В последней четверти прошлого года по математике у меня вышло три.

И хотя я изо всех сил старалась впитать материал, каждую контрольную писала на три или даже на три с минусом. Мне казалось, что это какой-то злой розыгрыш, ведь в моменте контрольной я все понимала, а в итоге решение всегда было неверным.

Отец не нанял мне репетитора, несмотря на мамины уговоры. Он говорил и продолжает говорить, что репетиторы – это позор. Что это подтверждение тупости ребенка и тупости матери ребенка, которая не способна ему помочь.

Из его уст не раз звучало, что мы с мамой безмозглые, никчемные, пустоголовые, а наше место только у кастрюли или швабры.

Но сейчас все по-другому. Сейчас, когда ответы так легко выскакивают из-под моей ручки и встают в маленькие клетки, я верю – все будет совсем иначе и отец признает, что я не безнадежна.

Глава 9. Вечерний улов

Нос лодки рывком заходит на берег между угрюмыми ва-

лунами.

Мужчина бросает весла в уключины и, опершись о корму, выпрыгивает на мель.

Недвижимо я сижу на том же месте и смотрю то на своего спасителя – ни одна мышца на его лице не дрогнет сочувствием, – то на берег: мрачный, безлюдный, очерченный линией тропического леса.

Леса густого, как навалившийся на меня ужас.

Крепкие, покрытые темными линиями мозолей руки скручивают сеть и наматывают ее на локоть.

В узких ячейках трепыхаются две рыбешки, маленькие, но каким-то образом умудрившиеся попасться.

Быстро выдернув за хвост одну, а затем вторую, мужчина с силой и злостью бросает их в море.

Значит, он рыбак. И сегодняшней улов не принес ничего хорошего. Возможно, он зол из-за этого? Или причина все-таки во мне?

Смотав сеть, мужчина закидывает ее в лодку – от удара о дно брызги воды выскакивают из полотна, взвиваются и разлетаются в разные стороны.

Капли холодом обдают мое лицо, шею, руки. Они кажутся ледяными, и я тут же покрываюсь мурашками. Хотя, наверное, дело не в воде – голова раскалывается от боли. Похоже, у меня жар.

Хочу согреться и обхватываю себя руками.

Только сейчас я обращаю внимание на свою одежду: футболка темного цвета разорвана внизу, но не по шву, а так, словно я зацепилась за что-то острое, джинсы тоже порваны, в нескольких местах ткань висит клоками, а под ней видна израненная кожа. Стопы босые, исцарапанные.

Провожу пальцами по футболке, пытаюсь понять, что за принт на ней. Но все кажется не моим и словно с чужого плеча.

Я ничего не помню.

Вообще ничего.

Бросаю взгляд на незнакомый берег, куда через минуты мне предстоит сойти, а затем на скалу – огромную, устрашающую, склонившуюся над морем, как мачеха над непослушным ребенком.

Мужчина вплотную прижимается к лодке и с силой толкает ее вперед. Пошатнувшись от резкого толчка, я ударяюсь затылком о доски.

Боль в голове вырастает в гору из тяжелых булыжников. Становится объемной и нестерпимой.

Хватаюсь руками за корму, желая удержаться, но следующий толчок оказывается еще сильнее.

Лодка с шаркающим звуком заползает на берег. Каждая доска вибрирует, протискиваясь вперед по мелкой гальке. Эта ужасная вибрация наполняет все тело.

– Хватит! – выкрикиваю, падая на дно и чувствуя, как в моей голове что-то щелкает, шипит и стонет. – Не надо толкать! Пожалуйста!

Но он не обращает внимания на мою мольбу.

Еще несколько толчков, и я уже едва справляюсь с тошнотой.

– Выходи, – громкий раздраженный голос звучит совсем близко.

– Не могу, – говорю шепотом. Сознание делает шаг назад, а со всех сторон снова крадется темнота.

– Пойдешь через лес, по тропе. Потом метров пятьсот и выйдешь к людям. Крайний дом на второй улице – дом врача.

– Я не могу, – голос такой тихий, что я сама еле слышу его.

– Постучишь, скажешь, что Эдгар выловил у скалы Печали, он поймет, много таких, как ты, видел.

С каждым мигмом слова становятся все дальше и тише. Я хочу думать, что мужчина отходит от меня, но догадываюсь, что это не так.

Я лежу на холодном дне старой деревянной лодки, мои руки и ноги теряют последнюю силу, глаза закрываются, и я то ли засыпаю, то ли просто проваливаюсь в свою боль и забытие.

Глава 10. Луна, прошлое

Из школы я иду медленно, стараясь растягивать каждый шаг. Любуюсь цветами в соседских садах, рассматриваю витрины магазинчиков и глажу бездомных блаженных котов, которые так и путаются под ногами.

Но время все равно тянется слишком медленно. Я знаю, что если приду домой рано, вновь нарвусь на разговор о том, что в моем возрасте неприлично общаться только с родителями, а дружить только с братом.

Потянув за нагретую солнцем резную ручку калитки, заглядываю во двор дома – отцовская машина на месте, но самого отца не видно. Это хорошо. Посижу немного у крыльца или пройду до беседки.

– Здравствуй, Лунаи, – шепот садовника раздается, как только я проскальзываю на дорожку, ведущую вдоль розовых кустов.

Я оглядываюсь, но никого не вижу.

– Я здесь, – знакомый голос с легким акцентом звучит очень тихо и откуда-то снизу.

– Где?

– Здесь, присядь.

Присаживаюсь на корточки и сразу встречаю веселый, по-мальчишески озорной взгляд темных глаз Сиюна по ту сторону густых кустов.

Сиюн – кореец, сын нашего старого садовника Джиху.

Сейчас, когда сад уже раскинут и оформлен, Джиху работает в другом доме, а его отпрыск, как начинающий специалист, трудится у нас на полставки и присматривает за созданным отцом творением садоводческого искусства. Одевается Сиюн всегда в одну и ту же рабочую одежду темно-зеленого цвета, а с виду он совсем не дурен собой – крепкий, высокий, черноволосый. Иногда я вижу, как девчонки из школы, проходя мимо нашего дома, украдкой пытаются заглянуть через забор и состроить Сиюну глазки. Но он всегда занят делом и, кажется, не очень заинтересован в таком общении. Я думаю, что садовник немногим старше меня, но он не учится ни в школе, ни в институте, потому что вынужден работать.

Улыбаясь мне, Сиюн сидит на корточках и старательно проделывает какую-то манипуляцию с опустившим голову розовым бутонем.

– Все твои дома, встречают гостей – уважаемых Нино и Заза, – говорит он, не отрываясь от работы.

– Нино и Заза? – удивленно переспрашиваю я.

Сиюн кивает.

Очень странно, мои бабушка и дедушка по линии отца редко навещают в гости без повода или крупного праздника, а их приезд всегда сопровождается излишней суетой, потому что они очень любят внимание. Я давно не видела их и, пожалуй, должна бы испытывать радость, но ее совсем нет.

Родственники по маминой линии рождают в моей душе намного больше тепла. Но живут они в столице, далеко от нашего городка, поэтому видимся мы редко, а общаемся в основном по видеосвязи.

Когда мы с Эриком слышим из динамика маминого телефона знакомую грузинскую речь, очерченную придыханием, сразу бросаем все занятия и с воплями радости бежим вниз – это звонит бабушка Тина.

Тина всегда сокрушается, что мы мало общаемся лично и редко приезжаем на лето. Она может бесконечно расспрашивать маму о нас и о самых обычных вещах: что мы едим, хорошо ли спим, какие фильмы любим, какая погода в Дапарули и о прочих мелочах. Бабушка даже через расстояние готова бесчисленное количество минут окутывать нас теплом простой заботы. Дедушка Серго умер несколько лет назад, с тех пор жизнь бабушки изменилась, но она мужественно выдержала нападки одиночества и печали, сохранила доброту сердца и веселый нрав.

Иногда видеобеседы украшают и другие мамины родственники: дядя Тимур и тетя Лейла живут в Грузии, но часто путешествуют и бывают в столице; крестные Сосо и Софиико недавно переехали – теперь обитают недалеко от бабушки и часто заходят к ней в гости. Мамины двоюродные сестры Диана и Тамина с мужьями и детьми, их племянники с родителями, троюродные дяди и сводные тети – все любят Тину, все тянутся к ней, как к теплому огоньку для ума и

сердца. Иногда мне кажется, что мы встречаемся с бабушкой реже, чем со всей остальной родней, не знаю, достоверны ли мои ощущения, но если это так, то причина тому однозначно в отце, который никогда не ладил с маминой семьей.

Сиун разводит руками. Этот жест – сильная поддержка, понимание моей безрадостной реакции на приезд Нино и Заза.

– Да уж, – вздыхаю я.

Садовник пожимает плечами. Он прекрасно знает обо всем, что происходит в доме. Поэтому я так безошибочно считываю сочувствие на его лице. И поэтому он говорит шепотом, чтобы не выдать мой ранний приход из школы.

– А что с цветком? – спрашиваю, наблюдая, как ловкие пальцы прикладывают к ветке деревянную палочку, бережно закрепляют ее бечевкой сначала у основания бутона, а затем у основания ветки.

– Грустит, – говорит Сиун. – Верхние ветки так разрослись, что не дают солнца и свободы малышу. Но ничего, я ему помогу, главное – вовремя заметить неладное.

Отец ругает меня за общение с садовником, так что я почти ничего не знаю о Сиуне. Но, несмотря на это, у нас сложились теплые отношения и даже какое-то неуловимое взаимопонимание.

Например, подстригая газон, Сиун всегда начинает с

участка у меня под окнами и вырисовывает газонокосилкой улыбающееся лицо или солнышко.

Когда я замечаю такие проделки, всегда смеюсь и машу ему рукой, а он быстро, пока никто не заметил, сравнивает длину травы и как ни в чем не бывало переходит к следующему газону. Еще он часто приносит нам с братом спелые яблоки с самого дальнего дерева, где они слаще остальных. А, когда у меня плохое настроение после ссор с отцом, может поставить в вазу на веранде не лилии, хризантемы или ирисы, а кустовые розовые розы – мои любимые.

– Давно Нино с Заза приехали? – задаю я вопрос, наблюдая за движениями длинных пальцев.

– Как только ты в школу ушла, – отвечает Сиюн, чуть замешкавшись.

– Так давно? Ты уверен? А о чем они говорят, не слышал? Как странно. Мои бабушка с дедом предпочитают наведываться, когда я дома, они любят хвалить мои длинные темные волосы и строить невообразимые планы на десятки лет вперед.

– Слышал несколько фраз. – Серьезно глянув на меня, Сиюн словно решает, стоит ли отвечать и как это лучше сделать.

– Ну и что же, что? Зачем они нагрянули? – мне не терпится узнать, в чем же дело, но приходится вытаскивать все клещами.

– Я слышал... – Сиюн бросает взгляд за мою спину, про-

верая, не вышел ли кто-то на крыльцо, затем оглядывается убедиться, закрыта ли калитка, и только потом, раздвинув руками колючие кусты, наклоняется ближе ко мне. – Они говорили что-то про приданое и патардзали, – он произносит это, не издавая звуков, одними губами, но я безошибочно понимаю каждое слово.

– Приданое, патардзали... – повторяю, ежась от холода, который ползет по спине и захватывает мысли. Сиюн поднимает на меня грустный, почти обреченный взгляд.

– Да, Лунаи, они говорили о тебе.

Глава 11. Вечерний улов

Темнота.

Давящая и тугая, запутывающая меня в своей бесконечности.

Я лежу, накрытая темнотой, и не понимаю, жива я или нет.

Темнота – черная дыра, которая засасывает меня все глубже в свое брюхо. Но чем дальше я проваливаюсь в ее нутро, тем сильнее начинаю чувствовать себя. Себя настоящую.

Мне кажется, что из темного давящего пространства доносятся звуки и голоса, словно кто-то говорит, но не со мной, а с кем-то другим. И говорит так весело, легко, по-свойски.

Прислушиваюсь и понимаю, что вокруг слышны еще голоса, много голосов, все они знакомые мне, но очень дале-

кие.

Странное ощущение. Кажется, что эти голоса далеки, но не по расстоянию, а по времени, как будто они из прошлого, откуда-то из детства. Да, точно, это совсем молодые задорные голоса.

Я прислушиваюсь еще тщательнее и жду, когда кто-то обратится ко мне, скажет что-то важное или назовет меня по имени. Но никто не делает этого.

Я слышу чужие имена, смех, разговоры, звуки перелистающих страниц, скрежет молний расстегивающихся рюкзаков, слышу, как кто-то спрашивает о домашке на завтра, о форме, о контрольном срезе.

Темнота говорит со мной, я слышу. Она хочет сказать что-то значимое, достать кусочек моего прошлого, который так нужен беспомощной, разбившейся о скалы памяти. Но я ничего не могу понять и осмыслить, словно между мной и моими воспоминаниями стоит невидимая стена – как я ни стараюсь, не могу ни обойти ее, ни найти лазейку, чтобы пробраться к своему прошлому.

Остается только стоять и прислушиваться, надеясь выудить из звуков хоть что-нибудь.

Вдруг темнота начинает сужаться и отдаляться, голоса уходят, а на их место встают другие, более реальные звуки.

Мне мерещатся звуки саксофона. Тихая, почти забытая мелодия, перекаты от томных низких нот до высоких про-

НИКНОВЕННЫХ.

Затем я слышу скрип – словно кто-то толкает дверь, слышу шаги, стук открывающихся ставен на окне, снова шаги, а затем мягкий и незнакомый мужской голос.

– Говорю же тебе, Эдгар, сейчас отправлять в краевой госпиталь не нужно, опасно. Дай ей немного времени. Отлежится, придет в себя, хотя бы вставать и ходить начнет.

– Надо было в море ее бросить, – отрезает другой, уже известный мне голос. Все равно не выживет.

– Что ты несешь, побойся Бога!

– А на черта она мне здесь? Живой труп! А если очнется, то все равно не вспомнит ничего, все мозги, наверное, с кровью вытекли.

– Эдгар! – второй голос становится резким. – Успокойся, она выживет. Я же врач, я осмотрел ее, такие у нас уже бывали.

– Да как ты не поймешь, Влад, – мой спаситель повышает тон. – Мне плевать, выживет она или сдохнет, мне просто плевать на эту девку! – Его громкий голос басит, и мне кажется, что все вокруг начинает вибрировать в такт каждому слову. – Я забочусь, чтобы сюда менты, врачи, безутешные родственники не сбежались, и чтобы она мне весь дом кровью не уделала. Вот и все, понимаешь? Остальное меня не беспокоит.

– Эдгар, нужно подождать несколько дней, и тогда... –

врач пытается перечить, но хозяин дома перебивает его.

– Либо забирай ее и уходи, либо на лучшее можешь не надеяться.

Страх сдавливает виски.

Я хочу открыть глаза, чтобы понять, где нахожусь, но боюсь сделать это. Да и какая разница, где, самое главное, что я в логове чудовища.

Снова раздаются шаги. Скрип двери, но уже другой, более далекой.

– Не убьешь же ты ее? – обреченно спрашивает врач.

– Не убью, – голос звучит далеко, еле слышно, как будто с улицы или из другого помещения. – Но и помогать не собираюсь.

Скрипучая дверь со стуком захлопывается.

Я открываю глаза и осматриваю небольшую скромную комнату. Старый комод, кровать, на которой я лежу, деревянное окно, смотрящее на лес грязными стеклами, и тусклая лампа над дверью.

Где бы я ни оказалась, с первого взгляда понятно – это убогая дыра на краю света.

Глава 12. Луна, прошлое

На ватных ногах захожу домой, но не крадусь мышкой, как обычно, а нарочно веду себя громче, чем всегда.

Специально наступаю на единственную скрипучую половицу коридора и роняю зонт – его изогнутая нога с грохотом ударяется об пол.

Сегодня я хочу, чтобы меня заметили.

Но ответ на мое присутствие является не сразу. Сначала я слышу тихий шепот, который как горячая картошка перекидывается от бабушки к деду, а от деда к отцу. Затем Заза несколько раз наигранно кашляет – мне хорошо знаком такой кашель, им он дает понять остальным членам семьи, что пора закрыть рты или сменить тему.

В следующую секунду повисает молчание.

Только на мгновение по нашему дому раскатывается звонкая тишина, но за этот миг я успеваю почувствовать – все уже произошло и только что, прямо здесь, решила моя судьба.

– Лунаи, милая, – мама поспешно выходит из зала с подносом в руках, полным пустых чашек и блюдец, – ты снова так рано вернулась из школы, у тебя все хорошо?

– Да, – говорю слишком тонким голосом и опускаю взгляд на поднос: посуды много, они и правда долго сидели за столом. Видимо, обсуждали свои планы на мое будущее.

– У нас в гостях бабушка с дедом. Проезжали мимо и решили заскочить, повидаться. – Мама старается говорить непринужденно, но голос подрагивает от волнения.

Я поднимаю на нее глаза.

Темные волосы собраны в низкий пучок, плечи подняты

и напряжены, карие глаза блестят, словно мама вот-вот заплачется.

Ее взгляд встречается с моим, и я всматриваюсь в темноту глаз. Мама смотрит прямо и открыто, но в ее взгляде я нахожу не холодное повиновение канонам и служение отцу, а печаль и волнение – во много раз большее, чем то, которое в эту секунду испытываю я сама.

Этот взгляд делает невозможное и бредовое реальным. Я осознаю – это правда.

Они решили выдать меня замуж.

Едва справляясь с внутренней дрожью, кладу ладонь на мамину щеку. Теплая капля тут же скатывается на мои пальцы.

– Мамочка, что происходит? – спрашиваю еле слышно.

– Позже, – еще тише отвечает она и быстро-быстро ускользает на кухню.

Теперь и мои глаза становятся влажными.

Я не хочу покидать дом, не хочу так рано становиться женой! И мама... Она не выдержит расставания со мной, но раз она так расстроена, значит, ее мнения, как и моего, никто не спросил.

– Лунаи, проходи к нам, мы давно не виделись с тобой! – из зала доносится голос Заза.

Отогнав опасно близкие слезы, шагаю в зал и, чмокнув в щеку бабушку, а затем деда, тоже сажусь за стол.

Мужская половина семьи смотрит на меня серьезно и строго, а Нино мило улыбается, как в карту местности, всматриваясь в черты моего лица.

Родители отца не любят проявлять особенно нежные чувства, но сейчас бабушка смотрит так ласково, словно я самое красивое и чистое создание на земле.

Перевожу взгляд на хмурое, покрытое морщинами лицо деда. Заза, наоборот, плотно сжав губы и сведя брови, глядит мне прямо в глаза, будто разыскивая в моей душе новые вехи или нераскрытые смыслы.

Впервые в собственном доме я чувствую себя одновременно посторонней участницей, не посвященной в семейный заговор, и картиной на выставке искусства, брошенной под острые и пытливые взгляды.

Мама возвращается, садится рядом и под столом кладет руку мне на колено.

Мы терпеливо ждем, когда кто-то из мужчин начнет говорить.

Глава 13. Вечерний улов

Сознание приходит по собственному желанию и уходит тоже, когда ему вздумается.

В этот раз, открыв глаза, я нахожу себя все в том же доме и на той же кровати.

Сегодня сознание чуть яснее и явно устойчивее, чем раньше, но, несмотря на это, осторожно обратившись к темной дыре своей памяти, я немедленно получаю отказ.

Страх уже не такой острый, хоть и не отступающий ни на шаг.

Сложно понять, чего я боюсь больше: человека, в чьем доме оказалась, или воспоминаний о прошлом, которое заставило меня броситься вниз с той гигантской скалы.

Я пытаюсь найти оправдания отчаянному рывку в морскую бездну. Возможно, я экстремалка и люблю прыгать с высоты? Может быть, за мной гнались, а может, я просто дура и делала селфи на скользком отвесном краю?

Но все эти мысли ни к чему не ведут, ведь я не помню, кто я. Хотя какая-то очень далекая часть меня трепыхается и пытается докричаться подсказками и ощущениями.

Неутешительными ощущениями.

Прислушавшись к себе, всем существом я чувствую, что шагнула со скалы осознанно. Потому что искала смерти.

Мои мысли обрывает щелчок замка и скрип входной двери.

Через боль поворачиваю голову в направлении звука.

Дверь в комнату открыта, и я вижу коридор, в котором появляется мой спаситель – Эдгар. Он одет во все темное и мешковатое, а его тяжелый шаг говорит о том, что мужчина зол.

Пройдя по коридору в одну сторону, он с грохотом бросает что-то на пол, потом возвращается, швыряет на полку ключ, дергает входную дверь на себя, закрывает ее до конца и поворачивает замок.

Я судорожно сглатываю и думаю, что самое время закрыть глаза и притвориться спящей, как вдруг, резко обернувшись, Эдгар впивается взглядом прямо в мое лицо.

Я вздрагиваю.

С такого расстояния я плохо вижу черты его лица, но глаза – они горят настоящей ненавистью.

Не произнося ни слова, Эдгар стремительно шагает в мою сторону.

Вжавшись в кровать, я сдавливаю пальцами край одеяла.

Чего он хочет? Что сделает в следующую секунду? Ударит? Он может меня ударить? А вышвырнуть на улицу или, еще хуже, бросить обратно в море – может?

Быстро приблизившись, мужчина так же резко останавливается и нависает надо мной.

Теперь я вижу его лицо отчетливо и ясно – оно намного суровей, чем тогда, когда я оказалась в его лодке.

Боясь издать даже звук, я просто смотрю в темные глаза, искрящиеся злостью, и не представляю, что может произойти в следующий момент.

Не отводя взгляда, Эдгар делает медленный вдох, словно пытаясь найти в себе самообладание и силы, чтобы загово-

ритель со мной. Его лицо передергивает, как будто я самое отвратительное создание на свете и он хочет сделать так, чтобы я бесследно исчезла в эту же секунду... Но это не в его власти.

– Ходить пробовала? – говорит он через усилие.

– Нет, – выдавливаю из себя первое за долгое время слово.

Сжав губы, Эдгар поправляет покрывало на краю кровати. Но я вижу, что он делает это не из заботы, а чтобы не сорваться и не сказать чего-то дурного и грубого.

– Вон еда и вода, – он кивает на комод, и я замечаю там стакан воды и тарелку с чем-то серым и малоаппетитным, – ешь, пей и начинай вставать.

Я хочу возразить, сказать, что все мое тело словно разодрано на части и каждое движение дается через боль, но не решаюсь и продолжаю молча смотреть на злое лицо. На миг оно кажется мне знакомым, очень отдаленно, почти призрачно, но я тут же отгоняю эту мысль, испугавшись ее значения.

Эдгар снова делает медленный вдох самообладания и немного наклоняется ко мне.

Его глаза впиваются в мои, и я ощущаю, как от страха появляются слезы.

– Слева от кухни туалет, – цедит он, – и если ты еще раз обмочишься на моей кровати, пеняй на себя.

Закрываю глаза, чтобы не разрыдаться.

– Гребаные суицидники, чтоб вас черт побрал. – Тяжелым шагом мужчина быстро выходит из комнаты.

Глава 14. Луна, прошлое

Эрик спит, уткнувшись в мои колени.

Брат подслушивал с лестницы второго этажа и не просто уловил суть разговора, а пропитался им и впал в настоящую истерику.

Когда Нино и Заза уехали, брат пулей слетел вниз и вцепился в меня руками и ногами. Он орал, что никуда меня не отпустит, что нас с ним нельзя разлучать и что мне еще совсем рано становится женой, ведь я даже не умею готовить чихиртму.

Грустно улыбаюсь и набрасываю на спящего Эрика одеяло. Почему-то он уверен, что именно чихиртма делает девушку готовой к замужеству.

Мой родной, мой наивный братик.

Истерика продолжалась несколько минут, мама пыталась объяснить суть обычаев, но он ничего не хотел слышать. Или просто не мог.

Все это время я сидела как истукан и не могла сказать ни слова. Когда отец начал выходить из себя и заорал на Эрика, мама силой увела брата наверх.

Оставшись наедине с отцом, я почему-то ни о чем не спросила и не возразила, хотя в мыслях роились сотни вопросов, а сердце сдавливало от непонимания.

Отец сидел напротив уверенно и чинно, а все, что я смогла – просто посмотреть ему в глаза. Ни слова, ни даже вздоха сожаления.

А в душе все пылало.

Мне так хотелось понять, почему я должна выходить замуж именно сейчас?! Ведь мне всего шестнадцать, и мы не в прошлом веке! Почему в мужья мне был выбран парень, которого я совсем не знаю? Даже не друг семьи, не человек из близкого круга. Почему бабушка с дедом поддерживают отца в его решении и не вступаются за мою свободу?

Страх помешал мне задать эти вопросы или навалившаяся тяжесть безысходности – не знаю. Но в тот момент во взгляде отца я увидела упрек и поняла – он знает все, о чем я хочу спросить.

Когда отец наконец нахмурился и заговорил, я слушала очень внимательно, потому что хотела понять хоть что-то.

– Лунаи, – глядя на меня, он выпрямился и положил одну ладонь на другую. – Пойми меня верно. Девушке твоего склада и ума нужно выходить замуж как можно быстрее. Ты не блещешь знаниями и не поступишь в институт, не одарена красотой, не имеешь талантов, не выдалась хозяйственностью, не хороша в общении. На удачную партию после совершеннолетия мы не рассчитываем. Если ты не обзаведешься семьей прямо сейчас, твоя жизнь будет загублена, ты останешься никому не нужным отбросом общества, старой девой, камнем на нашей шее. Это решение дается мне непро-

сто, но оно верное, а значит, мы все должны принять его с уважением и пониманием. Ты согласна?

Вместо ответа я лишь опустила глаза и почувствовала, как внутри моей души надломилось что-то важное.

– Лунаи, Лунаи, – Эрик повторяет мое имя во сне и, перевернувшись на другой бок, наконец отпускает мои колени. Уснул. Крепко. Значит, можно идти.

Бесшумно я соскальзываю с его постели и на цыпочках выхожу из комнаты брата.

Прикрываю одну дверь и уже собираюсь войти в свою комнату, как вдруг замечаю внизу свет от лампы – родители до сих пор не спят.

Без сомнения подкрадываюсь к краю лестницы и затаиваюсь между перилами, надеясь услышать еще хоть что-то, что может касаться моей дальнейшей судьбы.

По ночам наш дом тихий и темный, но сейчас дверь в кухню открыта, и я отчетливо различаю силуэты родителей. Мама сидит за столом, скрестив ноги и сильно ссутулившись, словно это не моя молодая мама, а неизвестная старушка.

Отец стоит у окна, расправив плечи, подняв подбородок и уперев руки в бока, эта суровая поза означает, что он недоволен.

– Прошу тебя, давай познакомим их сейчас, – мама говорит еле слышно, но в абсолютной тишине я понимаю каждое

слово. – Лунаи так будет легче привыкнуть, настроиться.

– Да сколько можно об этом, – отец отвечает грубо. – Успеют познакомиться, вся жизнь впереди.

– Мне кажется, так будет... лучше, – мама запинается. – Мы можем устроить хотя бы семейную встречу в узком кругу.

– Встреча будет, только если они сами захотят, инициатива с нашей стороны – это стыд. Мы с Сосо все обсудили еще перед их переездом. Для такой ситуации Лунаи лучший вариант, они берут ее юной и воспитывают под себя, как в старые добрые времена. Чем раньше поженятся, тем лучше.

– Вы уже договорились о дате? – мамин голос вздрагивает.

Отец вздыхает, отходит от окна и садится напротив нее за стол.

– Не позднее, чем в конце октября. Пока не испортилась погода, и циклоны не пришли. У Горгадзе, как и у нас, много родни, они хотят широкий праздник.

Мама протяжно всхлипывает и закрывает лицо руками.

– Чуть больше месяца, – слезно говорит она. – Может быть, мы можем немного отодвинуть дату? Перенести хотя бы на начало следующего года или на весну?

– Можем, – строго отвечает отец. – Но зачем? Чтобы Лунаи успела себя накрутить? Чтобы Эдгар, сын Сосо, освоился здесь и приметил кого-то поинтересней? Или ты просто сомневаешься в моем решении? Хочешь дать Лунаи время, так же, как когда-то дали время тебе?

Последнюю фразу отец произносит особенно тихо и зло.

– Нет, – мама качает головой. – Я не сомневаюсь в твоём решении.

– Значит, больше не задавай глупых вопросов и не упрямивай меня. Я поступаю в интересах нашей семьи. Только в интересах семьи.

Глава 15. Вечерний улов

Темнота блуждает внутри меня.

Кружит, запутывая сознание, бьёт пустотой по мыслям, как только я пытаюсь дотянуться хоть до какого-то воспоминания и ухватиться за него.

Темнота допускает меня только к самым краям памяти, даёт лишь слегка прикоснуться к прошлому.

Возможно, она просто меня бережет.

Где-то рядом снова слышны детские голоса, шелест страниц, топот ботинок и отголоски разговоров. Но сейчас я слышу что-то новое, вернее, старое и очень знакомое, почти забытое и родное – я слышу голос мамы.

Сразу и без сомнений я понимаю, что этот женский глубокий голос принадлежит моей маме. Не могу уловить смысл, но испытываю уверенность, что она говорит со мной о чём-то очень важном, пытается то ли успокоить, то ли приободрить меня.

Мама говорит торопливо и тяжело, я знаю, что ее обычная речь не такая, что мама мягкий и добрый человек, нежная женщина. Но теперь ее слова летят как неровная стая птиц, срываются то на высокие ноты, то, наоборот, переходят почти на шепот.

В этом воспоминании мне волнительно и даже страшно. Единственное, чего я хочу – обнять маму, прижаться к ней и разрыдаться. Но почему-то, не делаю этого.

Я чувствую усталость, словно я бежала издалека, ощущаю ветер в волосах и густой запах моря, перемешанный с запахом зеленеющей листвы.

Воспоминание отступает так же быстро, как и появляется.

Открываю глаза.

Снаружи меня тоже окружает темнота, а в мыслях снова играет мелодия саксофона.

Поднимаю руку и нащупываю сначала одеяло, затем подушку, затем край москитной сетки. Значит, я все еще в том же доме, на той же постели.

Перед внутренним взором проносится злое лицо Эдгара, и я сжимаюсь от мысли о нем и от резкого осознания – я хочу в туалет.

Проглотив ком страха, ощупываю простынь около себя – сухо. Это хорошо, я проснулась вовремя.

«Туалет справа от кухни», – сказал он в нашу прошлую встречу. Значит, нужно идти.

Упершись локтем в постель, хочу встать. Но слабая рука подгибается, и я падаю лицом на подушку. Голова тут же отзывается болью, но уже не такой острой, как раньше.

Пролежав несколько секунд, собираюсь с силами и повторяю попытку.

На этот раз удается сесть на край кровати и коснуться ногами грубого деревянного пола.

В темноте я вижу только очертания предметов, поэтому сначала долго высматриваю опору, и лишь потом поднимаюсь на ноги.

Я умею ходить, без сомнения. Но все движения даются с трудом и как будто в первый раз.

Сперва стою, шатаюсь, как новорожденный жеребенок, ухватившись за край комода. Затем делаю несколько шагов к двери и цепляюсь за ее ручку. Потом, стараясь двигаться тихо и не разбудить хозяина дома, приоткрываю дверь и неуверенно шагаю в новое место, которого еще не видела или, по крайней мере, не помню.

Я хочу лишь найти туалет и вернуться в постель, но как только оказываюсь в коридоре, попадаю в сияющий и мощный луч света. Зажмурившись, отшатываюсь от двери и вжимаюсь в стену.

Свет окутывает меня и кажется таким теплым, знакомым, почти родным.

Но откуда может исходить это мощное свечение? Ведь в доме тишина, а в комнате, где я спала, царила крошечная темнота.

С усилием открываю глаза и понимаю: этот чудесный свет – лунный. Прямо напротив меня окно, а в центре окна, как огромная желтая лампа, сияет и светит яркая, абсолютно круглая луна.

На миг я забываю, где нахожусь, и всем сознанием падаю в нисходящий на меня свет. Отчего-то на душе становится спокойно и ясно, я не думаю ни о страхе, ни о боли, а лишь смотрю на огромную круглую лампу посреди черного неба в центре маленького окна.

Шорох раздается справа от меня.

Снова вздрагиваю и, оторвав взгляд от луны, смотрю в направлении звука. Темный человеческий силуэт моментально оказывается посреди комнаты.

Ох, нет. Я разбудила Эдгара.

– Встала? – как всегда резко говорит он. – Выздоровела, значит?

– Я, я... иду в туалет, – отвечаю еле слышно.

– Ну хоть так, – отрезает Эдгар и исчезает в темноте.

Огромный бело-желтый шар продолжает укутывать меня в свой свет.

Добравшись до цели, нащупываю рукой выключатель и вхожу в уборную, очень тесную, но чистую. Придерживаясь за стену, уже собираюсь справиться со своей задачей, но останавливаюсь, увидев небольшое круглое зеркало.

Дрожь пробегает по телу.

Зеркало висит в неприметном месте за душевой кабиной, оно совсем маленькое, серое и потрескавшееся от времени. Кажется, этим предметом здесь совсем не пользуются.

Делаю шаг к нему, но, испугавшись, замираю.

Я не помню себя. Совсем не помню своего лица.

Горячие слезы обжигают глаза. Ловлю мокрые капли пальцами и обнимаю ладонями лицо. Острые скулы, густые брови, родинка на виске и огромные ссадины под волосами – вот все, что я узнала, изучая себя.

Но отступить некуда.

Если я хочу вспомнить, кто я и почему оказалась здесь, нужно быть смелой.

Тянусь к зеркалу, но снова останавливаюсь.

А хочу ли?

Какой была моя жизнь, если ее финалом я выбрала шаг со скалы? Как я жила, если захотела умереть осознанно и не оставила самой себе выбора? Если собственная память уже несколько дней не пускает меня на свои просторы и отправляет только к детству?

Нет, я не хочу! Не хочу!

Зажмурившись, вытираю щеки.

Но я должна!

Где-то там живет прошлое, которое я бросила по ошибке или глупости. И в этом нужно разобраться – во что бы то ни стало, как бы ни было больно и страшно.

Быстро, чтобы не передумать, подхожу к маленькому зеркалу и, сняв его со стены, подношу ближе.

Голубые глаза, длинные ресницы, серая кожа.

Это – я.

Это – мое лицо.

Я очень смутно помню его и, кажется, почти совсем не знаю.

Первое, за что цепляется взгляд – незаживший шрам, что идет от виска ко лбу и теряется в светлых прядях.

Я думала, что вся моя рана скрыта под волосами, но нет. Ее уродливое начало зияет при первом же взгляде на меня.

«Гребаные суицидники...» – голос Эдгара проносится в мыслях. Руки начинают дрожать.

Теперь, глядя в зеркало, я всегда буду пытаться вспомнить и представлять свой шаг со скалы. Шаг, на котором оборвалась одна жизнь и началась другая.

Изучаю отражение дальше, и дрожь становится все сильнее: голубые глаза с темными вкраплениями похожи на пустующие планеты, в них столько боли и отчаяния, словно передо мной глаза настоящего горя.

Большие глаза большого горя.

Мои скулы острые, нос вздернут; в целом меня можно было бы назвать симпатичной, если бы не бесцветные губы, уродливый шрам и кожа бледно-серого цвета, плотно-плотно натянута на кости.

Я дотрагиваюсь пальцем до разорванной кожи шрама. Несколько засохших бордовых комочков – бывших кровавых капель – отрываются и обнажают алую плоть рубца.

Мне больно от этого касания, но я не убираю руку.

Кровь просачивается через едва заживший слой кожи, настаивает мой палец.

Зачем я хотела себя убить?

Нажимаю на рану сильнее и, стиснув зубы, терплю.

Зачем? Зачем же?!

Красные линии крови сбегают в ладонь, устремляются вниз, опускаются к локтю и падают на пол.

Раздирая рану, я смотрю в свои глаза в маленьком зеркале и не могу ни заплакать, ни вскрикнуть. В этот миг все мои чувства атрофируются для того, чтобы я могла ожить и услышать память.

Кровь идет все сильнее, стекает по виску, щеке, шее.

Почему же ответов все нет? Ведь желая убить себя о скалы, я должна была представить свое лицо именно таким, кровавленным, уродливым, истерзанным!

Или я не думала об этом? Могла ли не думать?

Палец заходит под кожу, расковыривая плоть.

Кровь течет ручьем, и я не знаю, смогу ли теперь ее остановить.

И захочу ли.

В этом моменте я по-настоящему хочу только одного: наказать себя, сделать больно той себе, которая заставила меня настоящую быть здесь, не имея памяти, не зная и не понимая ничего.

Кровь попадает в глаза. Я зажмуриваюсь и ныряю в глубину, но там снова пусто. Пусто, как всегда.

– Кто ты такая?! – кажется, я спрашиваю это вслух. Распахиваю глаза и вижу только очертания в алом тумане.

– Кто! Ты! Такая!

Боль наконец становится нестерпимой, и я, вздрогнув, отдергиваю пальцы от раны.

Маленькое зеркало выскальзывает из рук. Теряется из виду и через секунду звонко ударяется об пол – я слышу звенящий хруст разлетающихся осколков.

– Эй, ты что там творишь? – резкий удар в дверь туалета с другой стороны. – Выходи, быстро!

Еле держась на ногах, я дотягиваюсь до щеколды и сдвигаю ее в сторону.

Дверь распаивается.

Я не вижу Эдгара, но чувствую его ярость всем своим существом.

– Ты, ты... – он ищет слова. Он почти рычит. – Какая же

ты дрянь!

Что он сделает со мной за лужу крови на полу? За разбитое зеркало? За вторжение в его жизнь?

– Ты что, идиотка, натворила! Кто это будет убирать?! Что ты сделала с моим домом?

Зажав рубец ладонью, я опираюсь о стену и жду наказания.

Он будет бить меня? Надеюсь, что да.

Я хочу, чтобы он ударил что есть силы, чтобы мне было больно, очень больно, больно невыносимо.

Больно за все, что я натворила с собой!

Но вместо боли я слышу быстрые удаляющиеся шаги. Щелчок выключателя. Шорох, шум, а затем снова голос Эдгара.

– Если ты не хочешь, чтобы я ее придушил, приходи прямо сейчас!

На миг повисает пауза, видимо, он кому-то звонит, но на том конце телефонной линии пытаются возразить.

– Да мне плевать, что сейчас ночь! Приходи немедленно, пока я не швырнул ее обратно в море!

Глава 16. Дапарули

Если бы мы хорошенько узнали людей маленького южного городка, то поняли бы, что каждое новое лицо для них

подобно открытию галактики. И сегодня такая галактика во-
рвалась в привычный размеренный ритм и закрутила его по
своей траектории.

Новые жители заехали в каменный дом на окраине и уже
заставили всех местных судачить о себе. Еще бы! Три гру-
зовика с вещами подняли пыль столбом на объездной доро-
ге, нескольких мужчин привлекли для работы грузчиками,
плотниками, электриками, несколько женщин были наняты,
чтобы привести много лет стоящий в запустении дом в по-
рядок и приготовить ужин для приезжающих.

Ну а пока новоселы обустраиваются, наше внимание на-
правляется в уже знакомую школу, день в которой начина-
ется с интереснейшего события – новый ученик приступает
к занятиям в выпускном одиннадцатом классе.

Новенький, тем более парень – это повод для разговоров
между девчонками всех возрастов. Малышки из начальной
школы изучают прибывшего с интересом и шпионят за ним
по коридорам, средняя школа вспыхивает нахлынувшими
нежными чувствами, а старшеклассницы, самые близкие по
возрасту, ведут себя сдержанно, ловко стреляют глазами и
только успевают подкрашивать губы.

Каждой девушке хочется первой познакомиться с парнем
и захватить его внимание, ведь он такой высокий, темново-
лосый, молчаливый и к тому же очень загадочный. Не то что

эти приевшиеся одноклассники. Возможно, он умный и веселый, возможно, с ним приятно говорить о чем-то новом и интересном, о чем-то таком, чего девушки сами еще не знают, но очень хотят узнать, почувствовать, всколыхнуться и сказать: «Вот это да!»

И пока большая часть старшеклассниц обдумывает способы подружиться с новеньким, лишь несколько учениц думают совсем о другом.

Глава 17. Вечерний улов

В двадцать лет ты думаешь, что бессмертен и ты сам, и все, кто для тебя важен.

К тридцати начинаешь признавать смерть – да, она есть, иногда она проскальзывает совсем рядом, так близко и неожиданно, что сердце холодеет.

И только на закате молодости понимаешь, что смерть – это часть всего, ее не нужно бояться, она достойна принятия. А если что-то и обрывает жизнь, то точно не смерть. По крайней мере, не своя собственная.

– Страх опустошает, понимаешь? – врач-Влад говорит тихо. – Страх не дает сконцентрироваться. Когда ты боишься, ничего невозможно вспомнить – в голове только пустота, нейронные связи распадаются. – Он аккуратно накладывает швы на лоб, пока я сижу на стуле посреди маленькой кухни. –

Перестань бояться, и воспоминания начнут приходить.

По его осторожной интонации я понимаю, что Влад хочет успокоить меня. Но это ни к чему. Я спокойна и снова очень слаба.

А вот кому действительно требуется спокойствие, так это хозяину дома.

Стоя у окна спиной к нам, Эдгар нервно постукивает кулаком по подоконнику. Его плечи поднимаются и опускаются быстрее, чем нужно, и я всем телом ощущаю его негодование.

– Тебе больно? – спрашивает врач-Влад, делая очередное движение.

– Надеюсь, что да, – на выдохе произносит Эдгар и бьет по подоконнику так, что оконные стекла вздрагивают с жалобным писком.

Странно, но мне совсем не больно, хотя я слышу, как тонкая медицинская игла с мерзким скрипом протыкает клочки моей кожи на лбу.

– Не хами, – со вздохом говорит врач. – Лучше выпей, я бутылку в холодильник сунул.

– Не стоило.

– Еще как стоило, вон, дерганый весь.

Кажется, его совсем не волнует наполнившая кухню злость. Либо он хорошо знает Эдгара и уверен, что тот не причинит мне вреда, либо ему тоже наплевать, выживу я или

нет.

Странно, но оба варианта не вызывают во мне никаких эмоций. Внутри только тишина.

Слушая скрип медицинской иглы, я опускаю глаза на дощатый пол перед собой.

Сколько еще дней и ночей мне предстоит провести в этом доме? Сколько еще я буду стараться вспомнить хоть что-то и понять, куда мне двигаться дальше, когда я немного окрепну и поправлюсь?

Если поправлюсь.

– Воспоминаний совсем нет, ни одного? – спрашивает врач и кухонным ножом делает несколько движений совсем близко от моего лица.

Я едва заметно качаю головой.

Окровавленный кусочек нитки падает на пол.

– И даже вещи не помогли? – уточняет врач. – Я надеялся, хоть что-то прояснится, все-таки одежда, телефон...

– Какие вещи? – я поднимаю непонимающий взгляд. Собственный голос кажется чужим.

Влад в недоумении смотрит на меня сверху вниз.

– Вещи, которые я нашел на скале Печали. Рюкзак, телефон, кофта какая-то – они твои? – Влад сводит брови и резко оборачивается к Эдгару. – Ты что, не отдал ей рюкзак?! У тебя совсем, что ли, совести нет? – Влад впервые повышает голос, и я понимаю – все это время он просто сдерживался.

– Не смей орать на меня в моем доме, – отвечает Эдгар, наливая прозрачную жидкость в две рюмки.

Моя внутренняя тишина нарушается шепотом надежды.

– Какого хрена! Ты же сам хочешь, чтобы она поскорее очухалась...

Эдгар резко выпивает алкоголь и отвечает тихим, утробным голосом.

– Потому что стоит мне дать ей телефон, она тут же наберет матери или еще кому-то, сюда народа понабежит, устроят проходной двор...

– А если не понабежит? Неужели ты правда хотел, чтобы она... – голос Влада затихает, но окончание фразы повисает в воздухе. «Умерла» – я понимаю это без слов.

Конечно, он хотел, чтобы я умерла.

– Так бросил бы ее в море! На черта вытащил на берег!

– Я же не мог, ты знаешь! – Эдгар оборачивается и прожигает взглядом врача.

– Ах да, точно! Ты же всех спасаешь, все ищешь ее! Ждешь, что она выплывет к тебе с морского дна! – от эмоций вены на лбу и шее Влада надуваются изогнутыми синими линиями. – Ждешь, что она воскреснет только потому, что ты этого так сильно хочешь! Ну и идиот же ты. Даже Эрик столько раз просил тебя забыть, а если уж ее брат смог смириться, решил жениться, позволил себе будущее – то и тебе пора!

– Заткнись, – тихо цедит Эдгар и решительно подходит в Владу, – пока я тебе не врезал.

– Это глупо! – у Влада вырывается нервный смешок. – Ты спас столько жизней, думая при этом об одной-единственной смерти.

– Не смей это произносить, – еще тише говорит Эдгар.

– Что не произносить? Что она умерла?

– Заткнись! Закрой свой рот.

– Она мертва, ее нет, она никогда не придет! Пойми! Смирись!

– Тело не нашли, значит...

– Значит, тело лежит на дне, где-то очень далеко отсюда, – врач-Влад стоит очень близко от разъяренного хозяина дома, но, кажется, совсем не боится. Легким движением он берет предназначенную ему рюмку и быстро выпивает.

– Нет, я сказал! – Эдгар выкрикивает это с какой-то звериной болью. Его готовая к удару рука взмывает, но замирает в воздухе.

Через миг разжавшийся кулак ладонью падает на плечо Влада.

Врач, не дрогнув, глядит Эдгару прямо в глаза.

Похоже, эти мужчины друзья. Близкие друзья. Я не знаю, были ли друзья в моей жизни, но откуда-то знаю, как выглядит настоящая дружба, и сейчас всем нутром ощущаю крепость чувств между этими двумя.

Несколько секунд мужчины молча стоят друг напротив друга. Затем Влад виновато опускает голову.

– Я не хотел. Извини.

Эдгар, кивнув, хлопает его по плечу и снова подходит к окну. Из-за шторы он достает небольшого размера женский рюкзак из красивой светлой ткани.

Я замираю и прикипаю глазами к находке. Даже не видя и не помня, что внутри, я молниеносно осознаю – это мое.

Тряхнув рюкзаком, Эдгар с силой бросает его в мою сторону. Я хочу поймать, но тело еще слишком слабо, чтобы быстро реагировать. Рюкзак падает у моих ног вверх тормашками.

На половицы вываливается небольшая связка ключей, наручные часы, тушь, черная водолазка и телефон в нежно-бежевом чехле.

– Подними и отдай ей в руки, – жестко говорит Влад.

– Сама соберет, – брезгливо отвечает Эдгар, не двигаясь с места.

Но теперь мне совсем нет дела до их перепалки. Я медленно опускаюсь со стула на пол, игнорируя боль в голове, встаю на колени и, едва дыша от волнения, осматриваю предметы.

Это мои вещи! Они здесь, они помогут мне все вспомнить, разобраться с прошлым и хоть что-то понять о будущем.

Телефон – темный экран с блестящей неровной трещи-

ной по диагонали. Я помню этот экран, помню трещину на ощупь, помню, как легко пальцы снимают чехол – люблю менять их под настроение, – помню пароль разблокировки экрана: квадрат слева направо.

Я уже что-то помню. Значит, смогу вспомнить остальное!

– Даю тебе время до завтра, – говорит Эдгар. – Договаривайся с женой и забирай ее к себе, иначе вышвырну на улицу.

– Ты же знаешь, она у меня импульсивная, девушку в доме не потерпит, – отвечает Влад.

– Мне плевать. Сегодня эта суицидница позвонит своим. Завтра здесь будут новые гости с вопросами и претензиями. А потом я пойду показания давать – как нашел, когда нашел, почему у нашего берега вечно плавает всякое дерьмо.

– Может, и нет. Может, все обойдется, и ее просто заберут без выяснения, – в голосе врача слышна растерянность.

– Ты ее вещи видел? – рывкает Эдгар. – Часы – золото, рюкзак – кожа, она не простая девка. Забирай к себе, не доводи до греха.

– Жена не пустит, у виска покрутит.

– Я предупредил, – бескомпромиссно говорит Эдгар. – Или в твой дом, или в госпиталь пусть катится.

– Там мест нет, сегодня узнавал.

– Плевать.

Я отрываю взгляд от вещей и поднимаю глаза на хозяина дома – он зол и непроницаем. Как всегда.

– Хорошо, понял, – кивает Влад и, повернувшись к двери, собирается оставить нас.

– Куда собрался? – одергивает его Эдгар. – Тряпку в руки и иди кровь отмывай в ванной.

– Я? – переспрашивает Влад.

– Ты, кто еще? По твоей воле она здесь торчит!

Проглатываю ком в горле. Мне неловко и даже стыдно. Но сама я еле двигаюсь и точно не смогу устранить кровавые последствия своего срыва.

– А ты... – не глядя на меня, Эдгар снова наполняет рюмку, – Собирай шмотье и ползи к себе. Там рассматривай. Чтоб до утра я тебя не видел.

Глава 18. Дапарули

Если бы мы могли оказаться в сердце школы, то увидели бы, что урок вот-вот начнется, но волнения в классе не утихают.

Мы могли бы разглядывать любопытные лица, слышать неудобные вопросы, а заглянув в глаза девчонок – обнаружить там страстные намеки на неизбежные юношеские глупости.

– Ульяна, ты его видела, когда относила журнал в учительскую? – Зарина старается говорить тихо, но получается плохо. Вагаршак Арсенович бросает на нее строгий взгляд, за-

тем подходит к парте Ульяны и ловким движением забирает с ее колен записку, уже готовую отправиться в путешествие по рядам.

– Пожалуйста, не читайте... – староста подпрыгивает на стуле, пытаясь перехватить послание. Но Вагаршак Арсенович ловко отступает, разворачивает скрученную бумажку и, недовольно поджав губы, проходится взглядом по строчкам.

– Так-так, значит, вы настроены сорвать мне урок! – строго заключает он и, смяв записку, бросает ее точно в маленькую урну у доски. – Я вам такого удовольствия не доставлю.

– Извините, пожалуйста, – поежившись, Ульяна открывает учебник и поправляет очки.

Зарина, цокнув языком, закатывает глаза. Остальные девочки, переглядываясь, разочарованно оседают на своих местах. Каждая хотела немедленно узнать хоть что-то о новом ученике, но крохи информации из первых уст отправились в урну.

– Если вам, юные леди, так интересно знать подробности о прибывшем мальчике, то я расскажу, что известно мне. – Вагаршак Арсенович садится за учительский стол и соединяет ладони пальцами вверх. – Хотите?

– Конечно!

– Да!

– Пожалуйста!

Класс вспыхивает девчачьими возгласами, а мальчишки,

надувшись, напускают на себя недовольный вид.

– Что ж, слушайте. Но это пятиминутное отступление только ради спасения урока.

Все соглашаются с заманчивым предложением, и Вагаршак Арсенович начинает свой рассказ.

Оказывается, новенький приехал всего на один год – ему предстоит закончить в этой школе одиннадцатый класс. Дело в том, что родители мальчика – владельцы земли на краю города – намерены продать участок вместе с домом, а после снова вернуться в столицу.

– Москвич... – вздыхает кто-то из девчонок.

– Прыщ пафосный, – фыркает кто-то из пацанов.

Помимо отличной успеваемости, мальчик, по словам учителя, обладает выдающимися талантами. Он имеет прекрасный слух и играет на музыкальных инструментах.

От слов о музыке у девчонок снова вспыхивают глаза.

– Скрипач какой-нибудь или флейтист, – усмехается Игорь.

– Тсс, умолкни! – шипит на него Зарина.

Из столичной школы никто не хотел отпускать талант в южное захолустье, но родители настояли на неотложности продажи дома и все-таки решились на серьезную перемену в заключительный выпускной год.

Вагаршак Арсенович умолкает. Кажется, все ученицы с

нетерпением ждут продолжения, поглощенные своими мечтами, и только Лунаи, как всегда, сидит ровно, сведя колени вместе, сложив руки на парте и ни на миг не теряя самообладания.

Мы знаем, что Лунаи ждет, когда учитель назовет имя новенького, чтобы сравнить его с именем, которое она услышала ночью в разговоре родителей.

В сердце девушки еще теплится надежда на спасение или хотя бы на маленькую отсрочку неизбежного. Но когда Вагаршак Арсенович говорит, что мальчика зовут Эдгар Горгадзе, ставит точку в повествовании и призывает всех собраться и включиться в классную работу – земля уходит из-под ног Лунаи. Девушку бросает в жар, ее щеки вспыхивают алым, а воздух вокруг словно заканчивается вместе с надеждой на избавление от нежеланного замужества.

Неизбежное будущее собирается в огромную черную тучу и вот-вот ураганом ворвется в жизнь. Слишком резко, слишком не вовремя и на виду у всех. Так неожиданно, что недавняя привычная и простая жизнь кажется счастливой сказкой на фоне неизвестности.

Глава 19. Эдгар

Южное убожество – странный мир. Он остается манким для многих только из-за двух соседей-морей: синего моря у ног теплых улиц и зеленого моря, глотающего городишко

каждый год с апреля по ноябрь. Нигде в стране нет такого сочного лета, как здесь. А лето – мастер прикрывать изъязны. Только местные понимают, как убого здесь на самом деле, в то время как каждому приезжему соседи-моря кружат голову и цветущей ласковой лапой подменяют ясность ума яркостью солнца.

Этот дом был невыносим – огромный, как дворец, и старый, как деревенская изба.

Даже после того, как его выдраили уборщицы, в некоторых комнатах пахло сыростью и землей.

Поэтому Эдгар выбрал для себя комнату под самой крышей – маленькую, но зато свежую и с отличным видом практически на весь городок.

Когда старые ставни со скрипом отворились, позволяя сладкому воздуху заливаться внутрь, Эдгар впервые за долгое время понял, что дышит полной грудью.

В их столичной квартире пахло совсем иначе – ни одного намека на свежесть: если окна были закрыты, по просторным квадратным метрам раскатывался запах лекарств, а если открыты, то визжащие звуки и тяжелые выхлопы машин набивались в пространство так плотно, что если закрыть глаза, казалось, что стоишь прямо посередине полос МКАД.

«Зато в самом центре», – всегда говорил отец Эдгара. Юноша этого убеждения не разделял.

В день переезда в новый дом Эдгар несколько часов просидел у окна, он то читал, то любовался видом городка, то пытался дотянуться до хурмы, так заманчиво висевшей прямо напротив подоконника.

Парню казалось невероятным, что, имея дом в таком теплом цветущем месте, родители ни разу не прельстились возможностью жить здесь или хотя бы приезжать на отдых.

Хотя куда там... Отец всегда предпочитал за границу с вылизанными пляжами, чтобы учтивый персонал роился во круг и фрукты красиво лежали на тарелке, а никак не на ветке висели.

Мама – достойная грузинская женщина – во всем поддерживала мужа, свое собственное мнение не высказывала, а может быть, и вовсе не имела.

Все изменилось, когда отец заболел.

Столько времени было положено на лечение головокружений, пока у отца в области шеи не обнаружили опухоль размером с орех.

Эдгар помнит все мамины воскресные молитвы, все слова поддержки и утешения друзей семьи, всех именитых врачей, которые приходили к ним домой с уверенностью, что медицинские заслуги и красные корочки дипломов помогут вернуть отцу здоровье или хотя бы остановить болезнь.

Удивительно, но первый верный диагноз был поставлен не в «золотой» клинике, а в простой дежурной больнице, куда

отца увезли по скорой со страшным приступом.

До того случая отец верил, что ему помогают и помогут. Но вера, не оглядываясь, ускользнула, когда престарелый врач с густыми седыми бровями и едва уловимой нотой печали в голосе точно собрал пазл из результатов анализов и догадался сделать МРТ не головы, а шеи. Врач старой закалки не претендовал ни на лавры целителя, ни на деньги отца, потому его заключение было честным и бескомпромиссным.

«Лучше знать наверняка, чем догадываться и чувствовать, что тебе морочат голову», – сказал отец после выписки. – «Я буду держаться, сколько смогу, но у меня есть одно желание, и оно касается тебя, Эдгар. Как моего единственного сына и наследника».

Глава 20. Дапарули

Если бы мы ощущали такой же острый ажиотаж, какой сложился вокруг появления нового ученика, то не удивились бы, что никто не заметил отсутствия Весты на первых уроках.

Даже Зарина, сосредоточившись на своих мыслях, не хватилась лучшей подруги, не принялась писать ей сообщения или обрывать телефон звонками.

Маленькая школа накалилась от предположений и догадок, любопытство вибрировало в воздухе и пульсировало в каждом разговоре.

Почему парень перевелся в школу не с первого дня учебного года? Отчего его родители решили заняться продажей дома именно сейчас? Как можно променять столицу на южный городок, и что на самом деле на уме у загадочного незнакомца? Все эти вопросы не имели ответов для людей вне круга конкретной грузинской семьи. Но мы с вами можем приоткрыть завесу тайны и узнать главное: да – мальчика просто хотят женить.

Для главы семейства Эдгара женитьба – вопрос столь же важный, как и для отца Лунаи, хотя двигают ими совсем разные силы.

Но вернемся к Весте.

Когда девушка заходит в школу с опущенной головой, словно идет на казнь, Зарина, ведущая оживленную беседу с девчонками из параллельного класса, тут же оставляет подружек и быстро нагоняет Весту.

– Где ты была? Ты столько пропустила! – подхватив Весту под руку, Зарина начинает тараторить. Она бегло рассказывает о событиях утра – о том, что новый мальчик появился неожиданно и все хотят немедленно увидеть его, что он музыкант, переехал из Москвы и пробудет здесь только год. Что жуткий дом на окраине принадлежит его семье и что он – грузин.

Последнее Зарина говорит через паузу, словно нацио-

нальность может поставить под сомнение все очаровательные достоинства.

– Но ведь это ничего, правда? – заключает Зарина, цокая с Вестой в унисон каблуками школьных туфель. – Тебе надо познакомиться с ним поближе, вы оба любите музыку и найдете о чем поболтать. У меня-то личная жизнь налажена – а тебе стоит позаботиться об этом. Уж на такую, как ты, он точно обратит внимание, таких красоток в московских школах не найти, – Она игриво подталкивает Весту локтем.

Но подруга отчего-то не отвечает на ее веселые порывы. И только сейчас, почти подойдя к кабинету химии, где будет следующий урок, Зарина осознает, что от самой школьной двери говорила только она, а Веста не проронила ни слова.

– Эй, да что с тобой? – остановившись сама, Зарина останавливает и Весту. – Ты что молчишь? Все в порядке?

– Нет. – Веста встречает пристальный взгляд заплаканными глазами.

– Весточка, – изменившись в лице, Зарина ласково проводит ладонями по светлым волосам лучшей подруги, – что с тобой, что случилось?

– Мои родители. – Ресницы девушки вздрагивают. – Они решили... Решили... – Она не может договорить, но Зарина понимает без слов.

Через мгновение Веста, как тряпичная кукла, падает в объятия подруги и заливается рыданиями.

Глава 21. Луна, прошлое

– Мамочка, мама, – незаметно прокравшись на кухню, я бросаюсь ей на шею, – пожалуйста, не делайте этого, не отдавайте меня, я не хочу, мне рано... – шепотом тараторю и стараюсь унять слезы, которые уже наполнили глаза и вот-вот хлынут потоком. Мне нужно успеть сказать все, что болит и жжет в груди, пока отец смотрит любимую программу по телевизору и точно не вмешается в разговор.

Мама бросает овощи на разделочной доске, спешно вытирает кухонным полотенцем руки и крепко обнимает меня в ответ.

Я растворяюсь в ее объятиях и чувствую, что она держит меня намного сильнее, чем я ее. Не помню, чтобы когда-то мы обнимались так спонтанно и крепко, в нашей семье не заведено проявлять привязанность. Но сейчас, уткнувшись маме в шею, я чуть не плачу от боли неизвестности и ощущаю, что мама вся дрожит – тоже изо всех сил старается не разрыдаться.

– Лунаи, дорогая моя, – она очень тихо говорит прямо мне в ухо, – твой отец хочет как лучше, и этот парень – он и правда неплохой. Он из хорошей семьи.

– Причем здесь семья, мама? – шепчу в ответ. – Причем здесь этот парень? Я говорю только о себе, понимаешь? Я – не готова. Я не могу сейчас выходить замуж, я хочу учиться,

хочу найти свое призвание, хочу хотя бы повзрослеть! Почему нельзя подождать несколько лет?

– Дорогая, ты все чувствуешь, – тяжело вздохнув, она ослабляет свои объятия. – Но ты еще слишком юная, чтобы понять глубину наших обычаев – чем раньше ты выйдешь замуж, тем счастливее сложится твоя жизнь. Ты сможешь стать уважаемой женщиной, хорошей женой, сможешь родить много детей. Ты обязательно станешь счастливой. Именно поэтому стоит выйти замуж именно сейчас, когда для этого есть хорошая возможность. Найти порядочного парня, грузина – это большая удача.

Слезы все-таки вырываются наружу и текут сквозь ресницы.

Отстранившись от мамы, я заглядываю ей в глаза – такие же темные, как мои. И такие же мокрые.

– Но ведь ты не родила много детей. И ты не счастлива. Почему же ты думаешь, что я смогу найти счастье на этом пути?

Лицо мамы моментально становится серьезным и растерянным.

– Что ты такое говоришь, Лунаи? Я очень счастлива. У меня есть ты, Эрик, у нас прекрасный дом, сад...

– С отцом, – перебиваю я. – Ты же поняла, что я говорю о нем. Разве ты счастлива с отцом?

– Счастье имеет границы, дорогая, – со вздохом отвечает

она, – невозможно сделать так, чтобы все части жизни были одинаково хороши. Меня устраивает моя жизнь. И твой отец – он порядочный мужчина, он уважительно ко мне относится, оберегает нашу семью и всегда желает нам лучшего.

«Порядочный мужчина» – почему-то эти слова тут же застревают в моих мыслях как кость в горле. Никогда прежде я не думала о том, какого мужчину хочу видеть своим мужем и отцом своих детей, но в этот момент ясно понимаю, что порядочности, пожалуй, будет слишком мало, чтобы осчастливить женщину.

– Мамочка, я же не прошу многого. Я не отказываюсь от свадьбы вообще. Я прошу лишь отложить ее на несколько лет, пока я не стану готова душой и телом. Сейчас я не могу. Не хочу, мама, не хочу. Понимаешь? – мои слова начинают звучать громче и требовательнее.

Мама быстро подносит палец к губам.

– Лунаи, подумай об интересах всей нашей семьи. Если ты не выйдешь замуж сейчас, то потом такой партии может и не быть. А просить семью жениха ждать – это дурной тон, мужчинам сложно ждать. Прошу, прими перемены покорно, как я когда-то приняла свою свадьбу. Эдгар – хороший молодой человек, со временем он понравится тебе.

Эдгар – жесткое, как колючка, имя прокатывается по моей душе.

Он только приехал, а о нем уже судачит вся школа. Наверняка он выскочка, показушник и шут гороховый. Скорее всего, смазливый и бестолковый. А жениться хочет только оттого, что играют гормоны.

– Постарайся, дорогая, – голос мамы звучит грустно и настойчиво. – Мне больно отпускать тебя так рано, но отец уже принял решение и даже слушать меня не хочет.

Значит, шансов нет.

Меня охватывает озноб, словно я оказалась на морозе.

Мамины слова печальны, и она всем видом дает понять, что решение принято.

Возможно, когда-то она была в таком же отчаянии, как и я сейчас, но пережила испытания, привыкла, нашла плюсы и живет свою жизнь, стараясь не вспоминать о том, что когда-то ее семья сделала выбор, с которым она до сих пор в глубине души не смирилась.

А она не смирилась. Я чувствую.

Выбежав из дома, я бросаюсь в сторону моря. Сейчас только соленые волны смогут умыть прохладой и успокоить шепотом мое сердце.

Как несправедливо решение отца!

Как печально бессилие мамы!

Обида наотмашь бьет по каждой мысли, но я, не останавливаясь, мчусь к берегу, на свое место у скалы Печали, где

больше никого нет и где я смогу безрассудно броситься в море, отдаться его мощи и плыть, как русалка, насколько хватит глаз смотреть вперед.

Только море понимает меня.

Только его голубые изгибы ласково гладят, жалеют, утешают.

Только море знает, какие шторма бушуют в моей душе.

Только оно всегда встречает меня радостным шепотом, словно признает во мне свою, словно, что бы ни происходило – оно на моей стороне.

Когда я чувствую себя особенно разбитой и одинокой, всегда прихожу на берег: ныряю в глубину, плыву к горизонту или просто усаживаюсь на камни и смотрю вдаль. Такие минуты становятся лучшим лекарством от отчаяния, ведь я не одна. Разве я могу быть одна, если на моей стороне такое бескрайнее, огромное и могучее море.

Глава 22. Эдгар

Эдгар знал, что ему просто нужно жениться.

Ничего особенного в просьбе отца не было, и он не смел, да и не хотел отказать.

«Какая разница, женюсь я в семнадцать или в двадцать, все равно это неизбежно, – успокаивал себя Эдгар. – Если повезет, невеста окажется приятной и быстро родит, тогда отец будет рад и, надеюсь, проживет дольше».

Рассудительности юному парню хватало, поэтому он решительно отодвинул в сторону планы любовных походов и грезы о первых чувствах.

Он – сын, он – наследник, ему суждено рано повзрослеть.

Пока отец был здоров, Эдгар мог надеяться на беззаботную жизнь, но сейчас... Если посмотреть правде в глаза, то совершенно ясно, что скоро Эдгар станет владельцем бизнеса, производств, недвижимости, и к тому же единственной опорой матери, которая не работала ни дня в своей жизни.

Как принято, невесту нашли через родственников и близких друзей, так сказать, по рекомендации. Редкое имя Лунаи само по себе заинтересовало Эдгара, а когда парню рассказали, что девушка имеет спокойный нрав, очень сдержанна и, что немаловажно, невинна – он тут же согласился на скорый союз. Не хотел долго выбирать, на фоне столичного пафоса ему казалась диковинкой южная скромность.

Да и место, в котором жила семья Лунаи, было хорошо знакомо отцу: когда-то он провел там детство и был готов на время вернуться в забытый дом своего деда, чтобы дышать свежим воздухом, как прописывали врачи, и устроить жизнь сына, как вынуждало положение.

Перед переездом отец рассказывал Эдгару истории о юге, хвалился, каких больших рыб он ловил на червя, как далеко заплывал за буйки и как бесстрашно прыгал с друзьями в море прямо с высоких скал.

После этих рассказов Эдгар охотнее предавался мечтам не о скорой свадьбе, а о новом месте. В его воображении рождались картины дикой природы и настоящего моря – свободного и сильного, совсем не такого, какое он видел на курортах и в семейных путешествиях.

Именно море и познакомило его с Лунаи.

На второй день пребывания в южном захолустье Эдгар отправился изучать морской берег. Он уже побывал в школе, окунулся во всеобщее внимание девчонок, укололся о зависть парней, оценил масштаб жизни в новом доме и теперь очень хотел, наконец, увидеть и ощутить дикую природу. Ту самую – бескрайнюю, зеленую и своенравную, о которой с восхищением говорил отец.

Но когда Эдгар вышел на первый пляж вблизи маленькой разбитой набережной, то увидел там не скалы и заросли, а песок, перемешанный с опавшей листвой и галькой. А еще – нескольких девушек, загорающих у самой линии воды.

Заметив его, девчонки захихикали и приняли красивые позы на своих полотенцах, одна, кажется, даже произнесла его имя.

Эдгар прошел мимо и не стал оборачиваться.

Его не интересовали девушки, чьим вниманием завладеть настолько же легко, как поднять камень, лежащий у ног – и как только такой камень оказывается в руках, его непреодолимо хочется бросить подальше в море. Да и судьба Эдгара

была решена, а портить репутацию флиртом или случайными связями не было ни желания, ни необходимости.

Эдгар шел все дальше, на следующий пляж, а затем на следующий, и еще... Примерно через час пляжи перестали быть пляжами и превратились просто в морской берег. Спокойный и почти пустой.

Шагая мимо изредка встречающихся людей, Эдгар старался не поднимать головы – слишком много внимания ему уделили сегодня, еще хоть одна капля стала бы перебором.

«Неужели здесь действительно всем до всех есть дело? Зачем вообще людям интересоваться и занимать свое время кем-то, кроме ближнего круга и самих себя?» – эта мысль крутилась в голове, мешая расслабиться и наслаждаться прогулкой.

Он шел слишком быстро и решительно, словно знал, что впереди его ждет что-то действительно стоящее.

Когда берег стал совсем безлюдным, а галька сменилась крупными валунами и острыми камнями, Эдгар вдруг понял, что он забрался достаточно далеко – и та самая дикая природа уже бережно заключает его в объятия и успокаивает нежными многоголосыми песнями.

Он остановился, чтобы осмотреться.

С одной стороны шумело море и перекатывало волнами камни, с другой шелестела листва тропического леса, наполненного щебетом птиц, а примерно в километре перед ним,

грозно склонившись над водой, возвышалась скала; запутавшись в ее каменных выступах, завывал ветер. Эдгар смотрел и смотрел – каждый взгляд открывал ему силу южной земли, каждый звук был наполнен могуществом.

Сердце застучало чаще.

На миг Эдгар перестал дышать.

Ему казалось, что даже маленький вдох сможет нарушить красоту и волшебство момента.

Он стоял у берега, между больших валунов, о которые с силой бились волны, и как замороженный смотрел то на узоры морской пены, то на танцующие кроны деревьев, то на скалу, достающую до облаков.

«Какой я маленький», – вдруг пронеслось в мыслях.

Он видел много: жил в самом большом городе страны, путешествовал, гостил и в замках, и в небоскребах, был физически силен... Но сейчас все стало иначе.

Юноша впервые осознал себя частью огромного и прекрасного мироздания. Крошечным листочком векового дерева, маленькой крупницей песка на берегу, незначительной, но для чего-то созданной частью всего.

Ветер усиливался, волны становились громче и выше, облака над скалой стали темнеть и нарастать, а Эдгар все стоял, тихо-тихо вдыхая сладкий воздух и стараясь не моргать, чтобы ничего не упустить.

Огромный неизвестный мир впервые распахнулся перед

ним и показал свою мощь.

Вдруг из-за деревьев вблизи берега послышался шум.

Эдгар резко повернул голову в направлении звука, при-
смотрелся, но ничего не увидел. Сам не зная зачем, он при-
сел между валунов так, чтобы незваный гость не смог заме-
тить его и застать врасплох.

«Кому понадобилось идти сюда именно сейчас», – поду-
мал он с досадой.

Но тут его дыхание вновь дрогнуло и остановилось.

Из леса выбежала девушка.

Тонкая, как туя, и быстрая, как поднимающийся ветер –
она в прямом смысле бежала. Черные волосы и подол светло-
го платья развевались, каждое движение было грациозным,
по-звериному точным.

Девушка на ходу сбросила обувь и побежала босиком пря-
мо по камням, к морю. Приблизилась к линии воды, в од-
но движение выскользнула из платья и в белье последовала
дальше.

«Кто она? Куда она направилась?! Начинается шторм, это
опасно!» – от неожиданности и растерянности Эдгар чуть не
вскрикнул и даже зажал себе рот рукой.

Девушка бесстрашно бросилась в волны и тут же скрылась
под толщей воды.

Эдгар присмотрелся к месту, где она только что была – ни

следа. Огляделся вокруг – тоже ничего, только волны, с каждой секундой набирающие силу. Время неестественно замедлилось, секунда нехотя тянулась за секундой, но незнакомка не появлялась.

Нужно спасать, понял Эдгар и тут же получил укол страха в солнечное сплетение. Открытое море – это не бассейн, в котором он несколько лет подряд выигрывал соревнования, это совсем другая, настоящая сила.

Но девушка исчезла без следа. Неужели он позволит утонуть незнакомке, тем более, настолько прекрасной и таинственной?

«Медлить нельзя», – решил он. Страх не уходил, но Эдгар переступил через него и уже готов был сорваться с места, как вновь увидел девушку.

Она вынырнула далеко впереди.

Далеко настолько, что сам он едва ли решился бы туда заплывать.

Ее силуэт показался в объятиях белых хребтов волн, очерченный золотыми лучами солнца, которое уже начинало клониться к закату. Изящной статуэткой она возвысилась над поверхностью воды и тут же нырнула снова, опять показалась и снова нырнула. Мокрые волосы струились по плечам, красивое гибкое тело двигалось плавно, длинная шея вытягивалась каждый раз, когда девушка хватала порцию воздуха перед новым погружением.

Эдгар смотрел и не мог оторваться. Он понимал, что подглядывает, а это шло в разрез с его принципами порядочности. Но впервые в жизни он потерял власть над самим собой и нырнул в образ прекрасной незнакомки так же глубоко, как она ныряла в темноту соленой воды.

Прошло несколько минут и, нарезвившись, девушка наконец-то поплыла в сторону берега.

Эдгар поднялся на ноги и прижался к камню, чтобы лучше видеть незнакомку.

Выйдя из воды, она легким движением подняла платье и надела его прямо поверх мокрого белья.

Теперь Эдгар смог рассмотреть ее фигуру и лицо – идеальные изгибы стройного тела, сияющая от капель воды кожа, темные, почти черные глаза. Она была идеальна, недосыгаема и излучала дикую энергию свободы.

Никогда еще Эдгар не видел создания прекрасней, в ней было намного больше, чем просто красота. Ни одна из его оставшихся в столице подруг не смогла бы сравниться с этой девушкой по притягательности, ему казалось, что настоящая жизнь наполняет ее и бьет через край, не оставляя места напускному или фальшивому.

Возможно, в этой ситуации кто-нибудь другой смог бы заметить, что незнакомка, представшая перед ним, более художавая, чем диктуют каноны красоты, что она слишком высокая для своего возраста, можно сказать, почти долговязая,

да и в целом нескладная. Но Эдгар видел только достоинства – природное очарование, легкость, грацию. Он ощутил это так явно, что немедленно возникло жгучее желание подойти и заговорить с девушкой.

Услышать ее голос.

Узнать ее имя.

Но разве он мог сделать это сейчас, выйдя из-за камня и признавшись, что подглядывал все это время?

Горло перехватило. На мгновение Эдгар замешкался, но тут же отправил сомнения прочь, ведь ему действительно было не занимать решительности и прямоты.

Он дождался, когда девушка поправит платье, соберет волосы и уже собрался выйти из укрытия, как вновь услышал шум со стороны леса.

– Лунаи! – резкий голос нарушил момент. – Лунаи, отец тебя ищет!

«Лунаи?!» – Эдгар вновь прикипел взглядом к совершенной незнакомке. Юноше показалось, что его сердце упало на камни, остановилось, но тут же взлетело до неба и застучало с новой силой.

«Это она, – он смотрел пристально, но уже не мог подойти. – Это она! Она! Ведь не может же здесь быть еще одной девушки с этим редким именем!».

Никогда прежде Эдгар не испытывал такого чистого счастья, он смотрел на Лунаи, как ребенок смотрит на самый

прекрасный подарок, который он даже не надеялся получить.

– Я здесь! – крикнула девушка. Ее голос прозвучал нежно, тонко и одновременно пронзительно. «Кричит, как раненая птица», – пронеслось в мыслях Эдгара.

Шум со стороны леса усилился и на берег выбежал парень: темноволосый азиат, высокий, хорошо сложенный. Он был растрепан и одет в поношенную робу, но это нисколько не умаляло его очевидных достоинств.

– Лунаи, скорее, идем в дом, твой отец вернулся раньше, без настроения, – парень говорил сбивчиво и взволнованно.

Девушка быстро обулась, еще раз поправила платье, и вместе с азиатом стремительно скрылась в лесу.

Несколько птиц протяжно вскрикнули и взлетели над деревьями.

Сердце с силой долбило Эдгара в грудь, в каждом ударе было новое чувство: нежность, желание, интерес, ревность и даже страх. Страх, что в момент новой встречи он не придется девушке по душе. Эдгар просто не представлял, что на свете существует такой страх и такой калейдоскоп эмоций. Но удары в груди становились настойчивее, и все ощущения складывались в одно.

Время тянулось, спотыкалось о мысли, а потом и вовсе потеряло силу. Эдгар все также неподвижно стоял и смотрел на зеленые заросли, в которых скрылась его невеста.

– Лунаи, – зачем-то произнес он вслух, словно хотел распробовать это имя и стать ближе к девушке, только что забравшей с собой его сердце.

Глава 23. Луна, прошлое

Зарина жует жвачку, широко открывая рот, и не сводит с меня глаз.

В классе еще совсем мало ребят – большинство приходят ровно в восемь, потому что или курят за школой, или сидят в туалете и делятся своими тайнами. Но сегодня, я уверена, будет много опозданий. Ведь каждый захочет пройти мимо открытой двери в кабинет английского, где назначен первый урок у одиннадцатого класса, чтобы хоть мельком взглянуть на новенького Эдгара.

Но почему Зарина пришла так рано, неужели ей неинтересно?

Я совсем не рада ее агрессивному вниманию. А вдруг она уже выведала, что новый ученик и я обречены стать мужем и женой?

От мысли об этом становится дурно.

– Ты в курсе, что завалила контрольную? – вдруг резко говорит Зарина, когда я прохожу к своей парте и начинаю доставать учебники и тетради.

Я замираю и встречаюсь с ней глазами.

Врёт?

Не похоже.

– По какому? – спрашиваю я, чувствуя, как руки начинают дрожать. То ли от досады, то ли от волнения в разговоре со своей главной обидчицей.

– По математике. Что за тупой вопрос, – она смотрит пристально и зло.

Пока я думаю, что сказать, Зарина нагло проводит языком по губам и надувает из жвачки пузырь. Через секунду он громко лопается.

– Этого не может быть. Я все решила верно, – мой голос почему-то становится тихим, а в горле встает комок – словно там застрял зеленый каштан с торчащими во все стороны колючками, и я никак не могу его ни проглотить, ни вытащить.

– Я заглянула в журнал. Хочешь – проверь, – она кивает на учительский стол и продолжает: – Скажи, Луна, как можно быть такой тупой? – глаза Зарины так и горят.

Не нахожу, что сказать. Теряюсь и, кажется, даже вытаскиваю из рюкзака не те тетради.

– С твоей внешностью просто необходимо быть умной. Страшная и безмозглая – это слишком. Как ты жить-то будешь? – разговор накаляется. Ребята, которые уже пришли в класс, поглядывают на нас. Кто-то начинает хихикать. Кто-то – поддакивать Зарине.

Я хочу что-то сказать, дать отпор, но слова не могут найти выхода.

– Ты весь класс тянешь вниз, – продолжает Зарина, – все показатели портишь своей тупостью. И ладно бы кто-нибудь другой, но ты – самая богатая из нас! Живешь в замке, имеешь все, что хочешь, у тебя идеальные родители, у тебя сад больше, чем центральная площадь! – Зарина выкрикивает это с завистью и ненавистью. – Луна, почему твои мать с отцом не наймут репетитора, чтобы хоть что-то вбить тебе в голову?

Я цепенею, мне хочется провалиться сквозь землю. Деньги моей семьи – это только аренда недвижимости, которая переходит из поколения в поколение; я никогда даже не видела их. Всеми доходами полностью распоряжается отец, а мы с мамой лишь посещаем рынок, когда приходит корабль, и раз в месяц бываем в магазине одежды.

– Замок, машина, квартиры: вы ведь только и делаете, что тратите. А сами, наверное, даже не умеете ни черта, – голос Зарины звенит в моих ушах. – Скажи, Луна, твои родители такие же тупые, как ты? В этом все дело, верно?

Словно очнувшись, я поворачиваюсь к однокласснице лицом.

– Замолчи, – это слово само вылетает из моих губ. Но оно слишком тихое и робкое, чтобы считать, что я дала сдачи.

– Что ты там блеешь? – Зарина встает со стула. – Хочешь, чтобы я заткнулась? Вы слышали? Она говорит, чтобы я заткнулась...

Зарина собирается сказать еще что-то, но тут в класс заходит заплаканная Веста и несколько девчонок, которые держат ее под руки, обнимая и успокаивая.

Веста – плачет? Я впервые вижу ее слабость и на секунду даже забываю, что только что пыталась противостоять Зарине. Похоже, мысли главных заводил класса сегодня совсем не о новом ученике.

Тихо всхлипывая, Веста подходит к лучшей подруге и, уткнувшись ей в плечо, начинает плакать уже навзрыд.

Я хочу спросить, что случилось, но не из интереса, а скорее потому, что мне вдруг становится очень жаль одноклассницу – если такая, как она, рыдает, значит, произошло что-то серьезное. Мысли путаются, скачут, обида и сочувствие смешиваются. Я уже почти решаюсь обратиться к Весте, но Зарина, как всегда, первой открывает рот.

– У Весты разводятся родители, – презрительно бросает она мне. – Ей очень больно и плохо. Хотя тебе этого не понять, ведь у тебя в семье всегда все шоколадно. Ты даже не хочешь потрудиться, чтобы учиться нормально, все равно мама с папой любят и в задницу целуют, да, Луна? Лучше бы твоя семья развалилась! Лучше бы ты рыдала!

Я проглатываю каштан в горле и открываю учебник на новом параграфе.

Жалость отступает.

Вот оно что. И разве это причина для слез Весты и нападок Зарины? Развод родителей – не конец света.

Если бы мои родители разводились, я бы не рыдала.

Глава 24. Зарина

Дом Зарины стоял в центре маленького городка. Точнее, не целый дом, а его треть. Пусть не очень большая часть, зато с отдельным входом, новенькими пластиковыми окнами, ярко зеленой линией газона и лавочкой с широкой спинкой, приветливо встречающей каждого, кто сюда направляется.

– Привет, мам, привет, пап! – Аккуратно повесив модную сумку на крючок для одежды, Зарина вошла в дом. Каждая потерянная поговорка встречала ее привычным скрипом. – Есть что съесть? Я голодная!

– Тсс... – мама выглянула из кухни и приложила палец к губам. – Тише, отец спит.

Кивнув, девушка ступила в узенький темный коридор, собираясь пройти на кухню, но застыла у родительской спальни: густой запах алкоголя ударил в нос даже через плотно закрытую дверь.

Зарина зажмурилась и на секунду перестала дышать. Этот запах – она ненавидела его больше всего на свете. В мыслях вместе со злостью вспыхнули образы недавних событий: травма отца, два месяца больниц, его сослуживцы на скамейке возле дома, звон стаканов, затянувшийся на несколь-

ко дней, упреки и жалобы соседней по дому.

«За что он так с нами? – пронеслось в уме. – Ведь маме и без того тяжело, да и денег теперь все время не хватает».

Тряхнув головой, она быстро сделала новый шаг и вошла в кухню.

Здесь пахло иначе – свежее тесто, специи, толченая картошка и зеленый лук вперемешку с мелко нарезанным яйцом.

Зарина втянула носом порцию любимых уютных ароматов и прогнала воспоминания.

– Переодевайся, мой руки и садись помогать с пирогами, – мама ловко раскатала тесто и смяла его в большой ком, снова раскатала и снова смяла.

Шкаф для одежды стоял прямо на маленькой кухне, рядом с идеально заправленной кроватью. В тесноте, да не в обиде – часто говорили родители. Сначала Зарина достала с полки домашнюю одежду, затем сняла школьную, а в промежутке адресовала взгляд своему отражению в зеркале на внутренней стороне дверцы.

Мысли снова вспыхнули, но уже от совершенно других чувств.

Это белье – черный кружевной лифчик и такие же трусики – совсем недавно видело кое-что намного лучше старень-

кого зеркала. Сильные руки стягивали трусики с ее округлых бедер, горячие от желания губы целовали все ее тело, длинные пальцы вплетались в волосы, и ей было так хорошо, как никогда и нигде не было.

Раскаленные воспоминания пробили до самого нутра, мурашки волнами пронесли по телу и собрались единым горячим шаром в районе груди. Глядя в зеркало на свою идеальную фигуру, Зарина почти физически почувствовала на губах жадные поцелуи, открывающие в ней восхитительное будущее женщины. Но главное, что все это так живо, так по-настоящему откровенно и честно, что сомнений нет – нужно как можно быстрее повторить.

«Если бы это был просто секс, меня бы так не тянуло к нему, – подумала она, надевая коротенькое домашнее платье на бретелях, которое урвала на распродаже в отделе брендового белья в соседнем городе. – Если бы я не понимала, что влюбляюсь, мне бы так мучительно сильно не хотелось снова оказаться в его руках».

– Все нормально? – мамин голос вернул девушку в настоящий момент.

– Да, а что? – отпрянув от зеркала, Зарина собрала волосы в пучок, помыла руки и села за стол.

– Ты какая-то загадочная. Всю неделю приходишь поздно, молчишь, улыбаешься сама себе.

Зарина смущенно опустила взгляд.

– Я понимаю, ты взрослеешь, – продолжила мама, – но если захочешь о чем-то поговорить или спросить у меня о личном, всегда отвечу.

Мама говорила очень нежно, бережно, стараясь не спугнуть едва уловимое доверие дочери-подростка.

Странно, но вместо благодарности за участие или желания поделиться сокровенным Зарина стиснула зубы от новой волны злости.

Несколько ночей назад она плохо спала, потому что отец до рассвета прямо под окном жаловался на жизнь своим друзьям. По мере того, как языки мужчин начинали заплетаться, сон уходил от Зарины все дальше. Она не хотела слушать, как отец винит бригадира в том, что выпил на работе, винит напарника в том, что тот не остановил его. А в том, что он перевалился через перила и упал рукой прямо на работающий станок, винит маму, потому что в ту секунду задумался о ней.

– Зачем он напивается? – резко спросила Зарина.

От неожиданности мама рассыпала муку, которую понемногу добавляла в почти готовое тесто. Теперь на столе возвышалась неловкая мучная гора.

– Он просто переживает, ты же знаешь. Волнуется, что могут не взять обратно на работу, и что рука будет долго восстанавливаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.